

A historical map of Eastern Europe, showing various regions and cities. The map is color-coded with yellow, orange, and grey. Overlaid on the map is the title of a book in large, bold, blue Cyrillic letters. The text reads: 'Елена Шевченко' (Elena Shevchenko), 'Юрий Грозмани' (Yuriy Grozmani), and 'Грошевы родственники' (Groshovy relatives).

Елена Шевченко
Юрий Грозмани
Грошевы
родственники

СОДЕРЖИТ
ЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Елена Михайловна Шевченко
Юрий Борисович Грозмани
ГрошЕвые родственники**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63689296

SelfPub; 2023

Аннотация

У бизнесмена средней руки и средних лет Викентия Гроше все было хорошо. И семья надежная, и сын за границей на пятерки учится, и загородный дом, и бизнес процветает. Все было хорошо, пока он от скуки жизни не начал восстанавливать свое родовое древо. Он нашел среди предков и генералов, и великих деятелей, и добропорядочных помещиков, а в нагрузку к этому множество далеких родственников с трудными судьбами и непростыми характерами. Желая им помочь, герой оказывается втянут в круговерть авантюрных и детективных приключений, из которых он найдет не менее парадоксальный выход. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Я попался на крючок и вляпался в Историю	6
Глава 2, где я из дворняжки стал дворянином	15
Глава 3. Неожиданно брат у меня объявился	19
Глава 4. Зачем я только в эту историю ввязался и как из нее выбраться	27
Глава 5. Пра-пра-пра-прадедушка вновь вернулся	36
Глава 6, где явилась Лелик, добрая женщина	49
Глава 7. Я отправился в Санкт-Петербург, на родину предков	55
Глава 8. Я посещаю отеческие гробы	64
Глава 9, где я общаюсь с предком или все же это привиделось в пьяном бреду	68
Глава 10. Я посетил внучку двоюродного прадедушки Сергея, но дружбы не вышло	76
Глава 11. Я встретил Ее, единственную и навсегда, но пока и сам еще не понял, что произошло	86
Глава 12. Брат Ростислав вернулся обновленным, не зря я ему помог	91
Глава 13, где обнаружился еще один брат, но лучше бы его не было	98

Глава 14. Я оказался в родовом гнезде, если это можно назвать гнездом	107
Глава 15, где я позавидовал провинциальному краеведу, уж слишком он счастливый	113
Глава 16, где я приобретаю семейные реликвии или меня все-таки надули	119
Глава 17, где мне явился владелец имения	123
Глава 18. Я вновь у Летиции и мне не хочется уходить	129
Глава 19, где я знакомлюсь с сильно пьющим братом художником и его несчастной дочерью	132
Глава 20, где я решил найти всех Гроше и принять их без осуждения и сомнения	137
Глава 21, в которой я собираюсь в Польшу, где обнаружили Гроше, но меня смущает Пиотр	148
Глава 22. Я еду по нелюбимой Польше к брату	155
Глава 23, где я встретил брата, и он оказался мне родным	162
Глава 24, где я все-таки поссорился с поляками	166
Глава 25, где мы с братом ловим рыбу, и я все понимаю про себя	176
Конец ознакомительного фрагмента.	178

**Юрий Грозмани,
Елена Шевченко**

ГрошЕвые родственники

*На мой медный грошик человечности
отпусти мне, Божик, кило вечности.
Леонид Виноградов*

Глава 1. Я попался на крючок и вляпался в Историю

Я толкал перед собой ненавистную тележку, которая заполнялась банками, склянками, мешками, порошками, слышал вечное повизгивание выходного дня из динамика: «Вот как выгодно, две по цене одной». Ангар без окон пропах всеми грехами человечества – алчностью, жадностью, обжорством, похотью и гордыней. Глухонемые, как роботы, выставляли на полки все новые и новые банки, стиральные порошки, жидкость для стекол, зубные пасты, этого бы хватило чтобы прожить год небольшому городу. Здесь это сметалось с полок моментально. Меня толкали люди с выпученными то ли от счастья, то ли от ужаса глазами. Зачем нам еще одна швабра, не понял я. Но все верно: она сегодня с умопомрачительной скидкой.

– Верно, малыш?

По воскресеньям я выполняю супружеский долг и доставляю удовольствие своей единственной и навеки. Вожу ее по магазинам.

– Я просил не звать меня малышом. Хотя бы на людях, – я устал просить ее об этом, она обещала, но потом забывала, и вновь я, толстый и лысый мужик под пятьдесят лет, становился малышом, у которого никогда не было и не будет

Карлсона, только фрекен Бок, так я уже однажды пошутил, она обиделась, я больше не шучу, я только злюсь.

– Кеня, ты устал? – она заботливая, хорошая, когда-то была веселой девчонкой. – Ну пойди, съешь мороженку.

Как же я ненавижу все это мерзкое тошнотворное сюсюканье – мороженки, обнимашки, спасибо, пироженки, чмоки-чмоки, зайчона, кисюня. Еще я ненавижу поход в магазин в воскресенье.

Завтра понедельник, который я ненавижу даже больше, чем воскресенье. Я его боюсь, я цепенею, я хочу спрятаться, зарыться: в первый день недели всегда приходят самые дурные новости с объектов. Но телефон нельзя отключить, а кабинет закрыть. Они будут, горя служебным рвением строго с 9 до 18, просить поставить в бухгалтерии кондиционер, лето обещают жаркое, или на худой конец – вентилятор; сообщать о больном родственнике в Тюмени, которого необходимо навестить, и возвращаться с золотистым загаром, а потом оформлять декрет; а мне снова рассматривать резюме, чтобы найти замену на год, или сколько там осталось до женского дня, где они выпьют, предадутся страсти, женятся, размножатся, после чего все повторится – больная бабушка, декрет, резюме новичка.

А потом будет воскресенье, и мы с супругой будем являть наше процветание и дружную семью, толкать в магазине тележку, грузить мешки в багажник, затем выгружать их, говорить о том, как сегодня повезло, два по цене одного. Я хо-

роший.

Ее мама перед свадьбой говорила про меня: зачем он тебе, неказистый, ростом не вышел, занимается какой-то фигней, диссертацию пишет, а на работу с утра не ходит. Права была покойная теща, почему она ее не послушалась, согласилась быть со мной в горе и в радости.

В ресторанном дворике было шумно – бегали дети, кто-то верещал по телефону – представляешь, как выгодно, ты где, Коля, Коля, где Саша, ты не следишь за ребенком.

И это было счастье – я был один среди жрущей и орущей толпы. Я никому из них не должен. Ничего. Не должен решать их проблемы, помогать, везти, встречать, провожать каких-то родственников, которые куда-то летят отдыхать, а потом возвращаются и кричат, что в следующий раз надо ехать всем вместе, там все включено, и будет весело, если все вместе. Я молча кивал. «Ну что ты молчишь?» – говорила дорогая, проявляя заботу, – «Ты устал?»

Я устал. Я бесконечно устал. Я устал быть хорошим. Я заботливый сын, я хороший муж, я прекрасный отец, я каждый день говорю с сыном, который заканчивает техникуму в Мюнхене, я отличный брат, деверь, дядя, племянник, я замечательный любовник, но эти прекрасные девушки бросают меня, когда понимают, что я не женюсь на них, потому что не разведусь, чтобы не стать плохим мужем, зятем, отцом, сыном. Зачем?

Там, за Мендельсоном, вновь будешь сватом, зятем, деве-

рем, дядей – все то же и ничего нового, и вся любовь пройдет. Любовь она только до марша Мендельсона, а дальше – ремонт, мама приехала, голова болит, все было вчера, мы уже немолоды, чтобы предаваться страстям.

У меня даже комнаты своей нет и не было: сначала общая с братом, потом однушка с женой и ребенком. Потом работал, работал, не зарабатывал, бросил науку, ушел в бизнес. Во всех новых жилищах находилось место для гостиной, гостиной, столовой, но только не для меня. Диссертация так и лежит в чемоданчике, где детские фотографии, как в пионерском галстуке и пилотке у вечного огня стою. Дурак дураком. Мама так и говорит мне: «Дурак ты, Кеня, весь в папеньку».

Родители давно развелись, даже не помню когда. Папенька умер, я его редко видел, но успел навестить за год до его смерти. Он, выпив водку, плакал, обнимал, прижимал меня к груди и бормотал: «Дурак ты, дурак, даже не знаешь, что мы белая кость, аристократы. Ты даже не знаешь, кто мы». Жил грешно, помер смешно – шашлыком подавился.

Мы действительно какие-то странные. Ну как родителям в голову пришло назвать меня Викентием. Самое смешное имя в классе. Все нормальные – Коли, Саши, Сережи, Вовки, а я во – Викентий. Мол, такое у нас родовое имя. Мол, ты гордись. Но и дальше не лучше – Гроше. Что Гроше, куда Гроше. На фига Гроше. Новые учителя по три раза переспрашивали мою фамилию. Ну зачем нам это наказание?

Мол, мы какие-то не такие, мы особенные, мы волшебные. Гордись, Кеня Гроше.

А что волшебного было в моем детстве? Хрущевская двушка на первом этаже, где летом от деревьев темно, а весной пол вспухает, когда трубу в подвале прорвет. Папенька алиментов 7 рублей дает, мать круглосуточно работает, брат Венька где-то болтается, он старший, ему уже можно, а мне нужно хлеб и кефир купить, посуду помыть, кто-то должен это делать, мать на работе.

Венька приходил всегда сытый, от него пахло табаком, а потом его забрали опера, оказалось, подростки по квартирам шастали, Венька гениально вскрывал любые замки. Мать взяла еще какую-то редактуру, чтобы Веньке передачи носить. Тогда я сказал себе, что никогда не буду бедным, я буду богатым, я буду богатым и у меня будет большая и хорошая семья.

– Алле, малыш, я уже на кассе, – позвонила жизнерадостно она.

– Иду, – откусил рожок, – рассчитывайся.

Я даже не заметил, как съел три рожка мороженого, хотя дал себе слово, что буду съедать не более двух в день. Я неукротимо набирал килограммы, стал плавать в бассейне, ходить по утрам шесть километров. Но за последний месяц прибавил еще два килограммчика и достиг роковой цифры – сто. Я сто раз давал себе зарок отказаться от мороженого, но опять сорвался. Это меня печалило. Это как перевалить за

пятьдесят лет, когда начинается новый отсчет. И килограммы во мне также – новый этап, отравляющий мне жизнь. Я купил еще рожок, доедая предыдущий и прижимая плечом телефон к уху. Из бумажника выпали визитки, кто-то поднял, протянул мне, проникновенно глядя в глаза.

Этот человек возник из-под земли. Его не было за столиками среди жруще-орущей толпы, но он был, стоял передо мной, в строгом костюме с кожаной папкой в руках. Он был дружелюбен, улыбался, не давал мне пройти.

– Добрый день. Вы хотите узнать про свою семью? Я вижу, что вы хотите.

– Я знаю про свою семью все, – сейчас будет втягивать пылесос или парогенератор, который уже купила Маришка. Она все купила, даже какую-то фигню, которая смывает зубную пасту фонтанчиком. Ей просто нравится покупать, а потом менять купленное, а потом опять покупать, чтобы через день поехать менять.

– О! Вы меня не поняли, – не отступал незнакомец, – семью в глобальном смысле. Мы можем найти пять или восемь колен вашего рода. Я только что, работая в архивах, наткнулся на данные о Гроше. И вы Гроше, значит, это ваш род. Таких совпадений не бывает. Мы восстановим вашу родословную.

– Мне пора, – я хотел вежливо избавиться от этого сумасшедшего. Но он настойчиво продолжил.

– Хорошо, что вы не Кузнецов или Семенов. Это было бы

сложнее и дороже, – он говорил так, будто я согласился на его предложение, не замечая моего взгляда и даже легкого покашливания. – Титул барона можно доказать. Особенно, если у Гроше найдутся бездетные линии, времена тогда были вполне свободные и распущенные, бастарды появлялись, так что мы сможем сделать вас дворянином, вероятнее всего, польского направления, там проще, да и путаница у них с родословными книгами, – он говорил без остановки, не давая мне вставить слово.

– Зачем мне это? – воззвал я к нему.

– Ну вы же не хотите быть плебеем или простолюдином. Никто не хочет, это подрубает крылья, мол, всяк сверчок знай свой шесток, и как тут взлететь. Осознание своего происхождения поможет вам подняться, поверьте мне, я знаю многих клиентов, имена которых разглашать не вправе. Просто поверьте, вы увидите новые горизонты, ощутите за собой поколения великих, которые ждут от вас служения и подвига, сопоставимого с их жизнью, – он нес невыносимую пургу, но прервать его было невозможно, как продавца, который решил впарить ненужный тебе гаджет. Я больше не мог возражать, слушал о памяти предков и программировании будущего, про связь времен и генотип, про избранных и их круг. Очнулся от звонка Маришки, которая, вероятно, дошла до закипания в ожидании меня.

– У меня все хорошо. Мне пора, – от него было непросто освободиться, он был все так же дружелюбен, он неохотно

расставался со мной.

– Возьмите визитку, подумайте, и у вас появится семья.

– Я же как-то жил без этого, – я поежился, мне хотелось отделаться от этого назойливого человека, который вольно или невольно пытался меня обидеть, подталкивал меня к фанатерии, за которую я ему должен буду заплатить. А я гордился собой. Я смог вырваться из своего двора, где почти и живых моих сверстников не осталось, а если и остались, то несчастные потерянные люди, отсидевшие свой срок по малолетке. Я смог вырваться и из процветающей нищезазнахи, где учился в институте. Я сделал все, чтобы уехать, пойти дальше, я завоевывал свое место под солнцем в столице, я помог сыну отправиться на учебу в Германию, откуда он не вернется, во всяком случае, он пока так решил. Я гордился собой, пока меня походя не называли простолюдином. И кто? Человек, который пытается втюхать родословную? Он все понял.

– Нет, нет, я не говорю, что всем это доступно. Но стоит попробовать, вы узнаете не только о своем роде, вы узнаете о себе и своих потомках. Конечно, вы можете сомневаться. Но мы готовы провести самые серьезные изыскания в архивах и даже вскрыть могилы, это стоит отдельных денег, но поймите и меру риска, чтобы генетическая экспертиза подтвердила ваше происхождение.

– Вы это серьезно? – гробокопательство меня совсем смутило, даже напугало.

– Это самая сложная и дорогостоящая услуга, – тихо сказал, почти прошептал он, – но многие в конце расследования обращаются к нам именно с этим щекотливым вопросом. Вы понимаете, генетическая экспертиза бесспорна, за ней открывается многое, включая семейные проклятия и болезни: у кого-то шестой палец на руке в каждом третьем поколении, у кого-то хвостик, у кого-то паранойя. Советую пока остановиться на архивах, – он доверительно склонился ко мне, будто уже стал моим родственником. Я отшатнулся, он выпрямился, улыбаясь одним углом рта, сообщая своим видом, что знает обо мне все и даже больше.

Он растворился в пространстве, его визитку я сунул в карман, урны рядом не было.

Глава 2, где я из дворняжки стал дворянином

Семья? К чему мне семья. Меня никто никогда не любил, меня просто терпели, потому что я хороший и добрый. Мама любила моего старшего брата Веньку, потому что он худой и несчастный, а я упитанный отличник, который не доставляет проблем.

Меня брали в компании, где я веселил всех девиц, а потом девушки уходили с моими друзьями. Маринка вышла за меня замуж, потому как было ей двадцать шесть лет, а она все еще оставалась девушкой в поиске хорошей партии, которая никак не складывалась. Она согласилась на мои ухаживания, хотя и стеснялась того, что мы одного роста, но выбирать ей не приходилось, годы брали свое, все подружки давно уже сменили фамилии, щеголяли кольцом на пальце, а кто-то даже гулял с коляской.

Я не давал ей ложных надежд про любовь, я сам хотел устроить свой мир и обрести семью, словом, я женился. А после свадьбы, которая случилась через год знакомства, ее словно подменили, она решила меня перевоспитывать, ломать и крушить, да и супружеские радости резко сократились.

Ее родителей пришлось называть мамой и папой, к тому

же еще и на ты, а я и видел их третий раз в жизни. Раз, когда знакомился, два – когда предложение делал, тогда я подарил ей подзорную трубу, чтобы она увидела дали светлые, и еще раз – на свадьбе. А потом родился сын, и я понял, что все верно я сказал на венчании, что все это навеки. Но через пять лет я стал искать любви на стороне, а там тоже не сложилось. Маринка – она хорошая, надежная, своя, с утра до ночи трет, моет, суетится, кричит на меня, что я опять ботинки не там снял. Она мой модельер и дизайнер – мы в каждом нашем доме ставим новую мебель, меняем посуду, чтобы она была в цвет стен, сегодня мне купили новый пиджак, подобрали рубашку, все хорошо. Сын рапортует успехами. Собачонку завели. Лучше не бывает. И не надо меня смущать вопросами, кто же любит тебя и где твоя семья.

Как-то напившись с тоски, я сказал сыну:

– Кабы ты не родился, я давно бы развелся.

Сын тогда замолчал, на утро со мной не разговаривал. Я потом каялся, прощения просил. Он простил, сделал вид, что не помнит, списал на лишней «Мейков», но задумался, потому до сих пор не женат, хотя пора бы уже.

После блистательной защиты диплома ему предложили остаться на кафедре, но он уехал доучиваться в Германию, и там тоже блистает.

Зачем мне этот человек явился, зачем про семью спросил, только все разбередил, а толку? Я забыл обо всем, я работал, я отправлялся в путешествия с семьей, я таскался с ними по

лавкам и магазинам, я ел омаров в Греции, требуху в Риме, гуляш в Будапеште, я слушал без одного возражения ее причитания, что гостиница могла быть и лучше, я таскал тяжелые чемоданы с накупленным барахлом на обратном пути, я жаждал выйти на работу, где смогу отдохнуть.

И я достал карточку. И позвонил. Он явился в «Кофеманию» к назначенному времени, с папочкой, из которой стал как фокусник доставать фотокопии послужных листов, фотографии, метрики, наградные грамоты. И в конце – древо, где было много квадратиков с именами и датами, но стоило мне потянуться к бумагам, он ловким жестом спрятал их в папочку.

– Мы по вашей фамилии нашли пока, заметьте, только пока – девять колен рода, это лет на 350 тянет. Можно порыться и глубже.

– Я не один?

– Что вы. У фамилии Гроше много веток и есть потомки, они и сегодня рядом с вами.

– Где?

– Лучше я расскажу вам о прошлом. Оно бесспорно. Там все неизбежно, ничего не изменить, лишь оценки, но и это все субъективно. Кому нравится свиной хрящик, кому...

– Мне свиной хрящик, – я согласился на его предложение, которое обходилось вполне сносно по цене.

Тогда я не знал, что это только начало. Две тысячи моих евро перекочевали фирме «Семейное дело», а я получил

папку с бумагами и договор на дальнейшее сотрудничество.

Дома я сказал супруге, что завтра у меня сделка, сегодня придется все это прочесть.

– Бедная крошка, – защebetала она, но я даже не обиделся на это, я был не здесь и не с ней, волнение овладело мною, меня ждало что-то неведомое, и было совершенно не важно, о чем она трещит.

Глава 3. Неожиданно брат у меня объявился

«Я менял города, я менял имена», есть такая песенка, или я ее сам придумал, чтобы напевать по утрам в ванной.

Когда я, убрав в чемодан свою диссертацию по прочности, отправился на Север зарабатывать деньги на семью, устроившись бухгалтером, как девочка после техникума, считать я всегда умел, мне было унижительно и больно. Тогда я стал цинично говорить, что к чертовой маме брошу эту страну и буду жить бургером в тихой Германии или Швейцарии. Я еще не знал, как там тоскливо, потом увидел.

Я читал папочку незнакомца. Может, от этой бесконечной тоски и метались Гроше, а я был одним из них, из этого полка, и меня носило, как и их.

Сын Борька еще малышом слышал мои вопли про «пора валить», вот он и свалил, и ему там хорошо, он и по-немецки говорит без акцента. Он по юности поверил мне и не прислушался к себе, что же теперь мне делать, как ему втолковать, что зря все это он затеял. Осталось надеяться, может, кровь все же победит, он вернется. И будем мы с ним заодно.

Мне, главное, родню найти, а там все образуется. Я же не знал, что наш род старше доллара почти на сто лет. И семья у меня огромная. Я даже и посчитать их не смог.

В списке был Ростислав Гроше, живущий совсем рядом, всего-то час на машине. Я написал ему, объяснил, боялся, что он сочтет меня сумасшедшим, но он обрадовался, сразу предложил встретиться, не затягивая, в ближайшую субботу.

Утром я, придумав гениальный предлог, мол, на стройке ЧП, отпросился у Маришки, чтобы отправиться к родственнику в Красногорск.

Супруга что-то заподозрила по моему радостному виду, стала спрашивать, почему про ЧП я из эсэмэски узнал, почему Евгений Петрович, мой зам, не звонил. Я отчаянно врал, что он уже на объекте с севшим телефоном. Она мастер распознавать все мои ходы. Это только кажется, что она меня не слышит, а так она все сечет, везде хитрые вопросы задает, на мелочах и пустяках ловит. Хотя я давно научился обводить ее вокруг пальца и даже не путаться потом в придуманных показаниях.

Тут я просто насупился, сделал вид, что обиделся, сел за руль и рванул, чтобы не слышать: куда я сегодня должен был поехать, что нам пора менять садовую мебель, что на сосне вырос мох, надо опрыскать патентованной хренью, которую она уже заказала, сняв с меня все заботы, что у жены ее брата скоро день рождения и пора покупать подарок.

У брата Ростислава в красногорской двушке была такая же история, как и у меня: жена нудела, пеняла несделанными делами и малой зарплатой. Я даже заходить в его дом не стал, предложил в кафе посидеть.

Ростик сразу согласился, схватил куртку и побежал за мной. Он был рад услышать мою историю, но еще больше хотел рассказать свою. У него черт знает что творилось в жизни: Светка, она хорошая, я кивнул, так и есть, только она орет вечно, что он никак заработать не может, а как заработать, если он ищет себя, как все эти, кивнул он на мою синюю папку, «яблоко от яблони».

– Вот видишь, брат, все объяснилось. Я институт этот бросил, скучно мне было с математикой, потом Светку встретил, тут совсем не до учебы стало. Она хорошая была до свадьбы, заводная, а когда она того, дала, то я тоже со своей стороны, женился. Ты не думай, что по залету. У нее просто задержка была. Я бы и так женился, – он заказал пиво, пока скромно, всего пол-литра. – А она нудит, мол, никудышный я, вот ты ей расскажи, какие мы Гроше, я же я ей сразу говорил, что мы такие. Ты вот кто? – перешел Ростик на ты, заказал еще пивасика и граммультку водочки, так и сказал, но официантка была в курсе этих терминов, потому сразу поставил штоф на двести.

– Братан, – захмелел Роська, – как же хорошо, что мы с тобой нашлись. Сейчас Светка подгребет, ты ей все скажи, по правде. Я тебе доверяю.

Толстая Светка уже топталась в дверях кафешки, ее хорошо знала наша официантка, они перемигивались, дергали плечами, потом выяснилось, что они учились до восьмого класса вместе. Светка удачно вышла замуж, а Ленке-официантке

циантке не повезло, мужик ее оказался сущим козлом. Сдав очередного ребенка в детский сад, без профессии она смогла устроиться в местное кафе, что впрочем позволяло ей вести свободный образ жизни. Об этом она поведала, присев к нам за столик. Нравы в кафе «Уют» были свободными, да и что там выпендриваться, когда все свои, с одного двора. Официантка даже намекнула, что через полчаса она освобождается. Я полез за кредитной карточкой, но по ее изумленному виду осознал, что не так ее понял. А Светка успела заказать еду, которую попросила сразу упаковать с собой.

– Ты прости, брат, – бубнил пьяный родственник, – она у меня такая, не доверяет и все проверяет. Вот пришла удостовериться, что ты брат. Ты же брат?

– Брат, – кивнул я.

– И ты меня не кинешь. Мы с тобой развернемся. Я, знаешь, всю жизнь хотел свое производство завести, хотел мебель делать, видно, у меня это в крови, любовь к красивому, я же это чувствую. Мне бы только стартовать. А инструмент, знаешь, сколько тянет, так что вот по офисам горбачусь. Мне бы только для начала денег, я же все верну, – пьяный Ростик верил в свои честные слезы и клятвенные обещания.

Светка напряженно смотрела на меня, даже старалась улыбаться. Кажется, ее муж не совсем пропащий бездельник, жизнь налаживается. Я слышал эти жалостливые истории и не раз, я знал цену этим словам, но не мог отказать брату. Он был хороший, но бестолковый и потерянный.

Явление его супруги было обговорено заранее, как и домашняя ссора, про которую он говорил, и от этого ему вдвойне было неловко, он допил водку, чтобы разум утих. Он пинал Светку под столом ногой, чтобы она не говорила лишнего, он проникся ко мне искренним чувством, которое победило жажду быстрой наживы. Но без этой нечаянной наживы дома ему будет трудно, жена сживет его со света, а он любит эту толстую Светку, хотя она старше его на десять лет, но ему такая и нужна, чтобы ругала и хвалила, как мама, которой уже и нет.

Неприкаянный Роська осиротел в шестнадцать, выучился в колледже, бывшей путяге, на столяра, пошел работать курьером, потом поднялся до офис-менеджера, но его быстро погнали за разгильдяйство, получил права, у него через год их отобрали, устроился диспетчером в жилконтору, только засыпал на рабочем месте, потому проработал всего лишь полгода.

Именно там он встретил диспетчера Свету, которая была всему району что родная мать. Ее голос знали все: это она объясняла, что вода непременно будет, когда будет, а так, работы по опрессовке идут, нужно же понимать, к вечеру дадут, а к утру точно. Он женился на ней, она усыновила его, а он усыновил ее сына, с ним отлично играл в футбол во дворе, и все говорили, что прекрасный отец из него выйдет, вон как с приемным мальчишкой занимается, каждую субботу они на площадке, Светка им по своим связям каток первым

в районе заливала, пусть мальчишки играют.

Одна беда, больше двух месяцев нигде Роська не удерживался, вроде и «непьющий и положительный», но дурной, не умеет имитировать деятельность. Куда Светка его только не устраивала, не задержался ни разу.

И тут явился я. Роська расцвел, жене объявил, какая у него родня, сплошные генералы, и он когда-то в люди выйдет, только пусть она потерпит. Я был его последней надеждой, дальше будь как будет, ему сейчас бы как-то заработать.

Я молчал, Ростислав поднял пустой графинчик, тоску было нечем залить. Светка поглядывала на мужа, она торжествовала, он вновь безнадежный неудачник. Ему только возле нее и держаться, пока она его терпит, а она его готова терпеть вечно, потому что любит. Только как всем объяснить, что она, уважаемая женщина, с этим полудурком сошлась. Она оправдывалась перед соседками, что он хороший, что он ее добивался бесконечно, что она уступила, что из него еще будет толк, как только он встанет на ноги. А Ростислав каждый раз каялся перед ней со слезами, утверждал, что все еще будет, они даже переедут в большую квартиру, как только он заработает, и машина у них будет, он же ей уже обещал раза три. Только забыл, сначала квартира, а потом машина, или наоборот. Или все лучше – с машины начать.

Сегодня был его час. Он смотрел на меня просящими глазами, он умолял, чуть не плакал, я был его шансом, я был его призом. А я был просто пятиюродным братом.

Время еще было раннее, и я предложил прямо сейчас рвануть в супермаркет, где я куплю ему все инструменты и даже расходные материалы. Стартуй, Роська. Он был обескуражен – этого он не ожидал. Но отступить ему было некуда. Светка, упаковав еду, которой хватит накормить подъезд, двинулась за нами.

– Я разбираюсь в инструментах, – говорил я ему, Роська обреченно кивал, – мы их регулярно покупаем на фирме. Вот ты что предпочитаешь – «Макиту» или «Бош»?

– Все хорошее, – Роська как-то сник, опустил голову, ссутулился.

– А мы возьмем зеленый «Бош», – мне было весело. Я знал, что они собирались меня развести на деньги, им почти удалось, они были близки к цели, но я в этот день не пил, в этом была их глобальная ошибка. Я не мог оставить пятиюродного брата без помощи, мне нравилось быть старшим и добрым.

– Можно, – обреченно согласился Ростислав. Светка ерзала, это не входило в ее план.

Я купил ему болгарку, лобзик, циркулярку, дрель, пазорез, фрезер, шлифовальную машинку, шуруповерт. Консультант радостно паковал наши покупки. А Ростислав становился все грустнее.

– Начинай, – сказал я, – первую табуретку подари мне, вот и весь наш расчет. Мы же братья.

Зачем я ездил? Я так толком и не узнал про его отца. Ро-

стик его и не помнил. Подполковник Советской Армии Лев Борисович Гроше прославился на ниве биатлона, бросил семью, когда Ростиславу было от силы года два, больше и не являлся в его жизни, хотя честно перечислял алименты. Завел еще одну семью, Ростик точно знал, что там у него есть сестра. Там все было хорошо, она консерваторию закончила, так ему мать говорила. А ему пришлось идти в путягу, потом в армию, где его научили баранку крутить, а колледж он хорошо закончил, диплом столяра получил, только шофером выгоднее, а так он очень любит с деревом работать, он по-собачьи преданно глядел на меня. Светка оценивающе смотрела на новенькие коробки с инструментом. Ростик тоже прикидывал, за сколько это можно загнать.

Я решил это пресечь, сказал, что скоро приеду, посмотрю, как у него бизнес пойдет. В глазах Ростика появилась все-ленская тоска. По-дурацки все вышло, вот подарки, но польвованный инструмент за хорошие деньги не сбыть, а без инструмента чертову табуретку не соорудить. Все вышло косо и не так. Но все равно он смотрел на меня с надеждой.

Светка обняла меня на прощание. Как родного. Она была довольна нашей вечеринкой, унося в объемной сумке седло барашка гриль, полбутылки водки, три осетинских пирога и еще какую-то снедь. Ростислав сегодня неплохо заработал, я возвращался домой.

Глава 4. Зачем я только в эту историю ввязался и как из нее выбраться

На бензоколонке, вернувшись от кассы, я обнаружил в своей машине человека, которого вовсе не знал, но он сам, без моего ведома подсел ко мне на переднее сидение. Я даже не понял, когда он влез. Наверное, пока я рассчитывался, машину точно не закрыл. Выглядел он диковато: в коротких штанах как для велосипеда, белых чулках и почему-то в туфлях с бантом, сверху он напялил на себя рубаху с кружевами, камзол, шитый золотом птицами, он нарумянил лицо, покрыл щеки штукатуркой, на помадил губы, вонял какими-то чудовищными духами, я даже вспомнил запах «Шипра» и одеколона «Саша» из моего детства. То ли клоун, то ли старый гомик, начался дождь, и я пожалел бедолагу, куда ему в таких туфлях по лужам.

Я осторожно спросил, чтобы не испугать его, хотя сам чуть не писался от страха, кто знает, что у него на уме, из какого дурдома он сбежал:

– Куда вас отвезти? Где ваши родные?

– Здесь, – ответил он, положив подбородок на трость с большим серебряным набалдашником, вполне увесистая была дубина. Он говорил с акцентом, я выдохнул: это какой-то

полоумный иностранец, играющий в ролевые игры. Может, сейчас он наполеоновский солдат или кто еще, полностью погрузившийся в роль. Осталось лишь выяснить, где он живет, и тихо его вернуть, иначе он в своей затейливой обуви пропадет.

– Я не представлен, но могу рекомендовать себя сам. Я Пиотр Гроссе, камергер двора Станислава Второго Августа, но это в прошлом, нынче Гроше. Потомственный дворянин, член ложи храма Изида, в какой-то степени литератор и собиратель. И мы в какой-то мере родственники, Викентий.

Медленно схожу с ума, подумал я, но все же разум сопротивлялся, это очередной ряженный мошенник, только куда его девать, не домой же к себе везти.

– Куда вас подбросить? – повторил я, голос предательски выдал волнение, я вцепился в руль.

– Где мой дом? О, где мой дом?! Я жил в Варшаве и Вильно, там у меня была прекрасная усадьба с садом у ворот Аушрос. Вы бывали в Вильно?

– Да, я какое-то время болтался в Литве. Но давно.

– После великолепного Вильно я сидел в тюрьме Шпандау, и мне удалось оттуда сбежать, с той поры я странник.

Я зажмурился, надеясь, что он исчезнет, и я спокойно отправлюсь домой, буду лгать про ЧП на стройке, его еще надо придумать, Маришка хочет быть в курсе всех моих дел, она замечательная, только все запоминает, а я забываю свое вдохновенное вранье. Я открыл глаза, но он не исчез.

– Я прекрасно доберусь сам, – важно заметил попутчик, – я объехал в свое время всю Европу, я был даже в Америке, там были дела. Может, остановимся в каком-то шинке или корчме, как сейчас это называется.

Я посмотрел на «KFC», у которого мы стояли.

– Там не наливают, – отреагировал он, будто там был.

Мне стало страшно, я видел глюки наяву. Я почувствовал боль, ущипнув себя за ляжку. Я прикусил себе язык и чуть не взвыл, значит, я не спал. Мне стало очень страшно.

Я редко, по-настоящему, боялся – всего три раза в жизни. Не так, чтобы просто испугаться, а на самом деле – до онемения ног, до недостижимого желания, чтобы это пригрезилось и оказалось дурным сном или пьяным бредом. Первый раз, когда я приехал учиться в Казань, говорили, что там лучший авиационный. Я сдал документы и пошел по городу, испугался, как же здесь жить, как здесь вообще можно быть. Мне хотелось бежать, но у меня были деньги только на билет в один конец, я сел на вокзале и заплакал. А потом привык, даже женился, даже сына родил, нормальный город оказался, хотя и страшный.

Второй раз, уже забыв в девяностые про науку, в Сибири вез зарплату на стройку, я таких денег сроду не видел – тридцать тысяч зеленых. От страха я выпил в вокзальном буфете и прихватил с собой, вроде отпустило и полегчало. А в вагоне, стараясь быть беззаботным, я совсем надрался, спокойно заснул и утром не нашел денег. Они пропали из моего люби-

мого портфеля, все было на месте, кроме пакета с деньгами. Жизнь кончилась в один миг, ехать на объект не имело смысла, возвращаться обратно еще хуже. В кармане завалились какие-то рубли, оставшиеся после вокзального буфета, еще было граммов сто вискаря, похмелиться перед тем, как броситься под поезд. Но как-то это было не по-мужски, я же не барышня-наркоманка, чтобы под поезд. И я заплакал, уткнувшись в подушку на своей тесной верхней полке. В подушке что-то хрустнуло, я прижимал ее к себе, уже понимая, что это я сам туда деньги по пьяни запихнул, чтобы не сперли.

Третий раз было еще страшнее. Мы с партнером, а он мужик отвязный, завезли в наш нефтяной поселок компьютеры и выручили кучу нала, кучу – в прямом смысле, они лежали грудой на столе. До утра надо было как-то продержаться в нашем поселке, где каждая собака знала, сколько у нас бабла, утром мы их в банк снесем, нам бы только ночь выстоять и утро продержаться. Витон принес отличную ижевскую двустволку 54 года выпуска, сказал – вещь надежная, на немецкой основе деланная, не пальцем. Лег животом на деньги с ружьем в руках, нацелившись в окно, дверь мы мебелью загородили. Мне на голом полу пришлось спать, да где тут спать, всю ночь тряся от страха. Но все опять обошлось.

Еще один раз испугался, когда меня в метель на летней резине занесло на трассе, но это так, ерунда, на пару секунд. А тут не отпускало, Петр сидел рядом, глядя вперед, а я

не знал, куда его девать.

– Не бойся, – то ли понял, то ли почувствовал он. – Ты не представляешь, как мне было тяжело везти золото из Америки в Европу, в Америке оно тогда было дешево. Но я дал слово и доставил, – ответил он на незаданный вопрос.

Я любил книжки по истории, монографии Носовского с Фоменко перевернули мой мозг. Я вдруг стал внимательно смотреть на все эти культурные объекты за рубежом, пристально, и еще больше ошалел, когда пригляделся.

Ну какой такой храм царицы Хатшепсут в Египте мне явили? Это же чушь собачья. Стоит дворец из туфа в пустыне, ни крепостных стен, ни укреплений, только ленивый его не возьмет. А этот дом Минотавра на Крите? Это же просто Диснейленд какой-то. Я даже купил многотомник Соловьева, но освоил полтома, я в своих познаниях обходился не изысканиями и книжками, а кино, я вот «Храброе сердце» сто раз смотрел.

Пиотр меня смутил, какое золото, я точно помнил, когда началась калифорнийская золотая лихорадка, не совсем точно, но приблизительно, почти на сто лет позже, чем он там свои финты при польском дворе винтил. Значит, он все-таки сумасшедший, а я с ним один на один. И здесь нет ни одного гибэдэдэшного пункта. Может, круто нарушить, сплошную пересечь, но они же меня не кинутся догонять, они мне просто потом штраф выставят.

– Отцы-основатели, кажется, так вы зовете Томаса, Бен-

джамина и Джона, – продолжил он, даже не посмотрев на меня, – задумали перевернуть и встряхнуть Старый Свет, чтобы создать Новый мир. Его жаждали избранные.

– Масоны, – брякнул я глупость.

– Мы звали себя братьями. Меня посвятил в ложу Томас, а я посвятил Симона, – добавил после паузы, – Боливара.

Он точно сумасшедший сторонник теории международного заговора: евреи, масоны, Америка, революции и перевороты. А Эрнесто Че случайно не его личный друг?

– Так может поговорим в шинке, пабе, трактории, таверне, дорфкруге, корчме, кабаке, как это называется здесь, – он брезгливо посмотрел в окно.

– Кабак, кабак, – подхватил я радостно, только как его туда привести. Придорожный магазинчик оказался спасением – водка, кола, трижды гретая курица-гриль и лаваш, еще пачка салфеток, чтобы машину мне этот призрак не заляпал. Но призраки же не едят, значит, это психопат, который каким-то непостижимым образом знает мою новую большую семью до девятого колена. Придурковатый призрак сразу оторвал куриную ножку и ловко открыл водку, цыпленок ему не понравился, а водка пошла отлично. Я тоже отпил глоток, но и после этого он не исчез.

– А зачем ты влез в эту историю? – он не отводил взгляда от меня. Я молчал, потому как и сам не знал, зачем. Я оторвал кусок курицы и лаваша, размышляя, что же ему ответить.

– Ты не боишься посмотреть на звезды и заглянуть в глубины своей души, где пропасть может оказаться заманчивой и губительной? Знаешь ли ты, кого ты найдешь и возьмешь их судьбу как свою, никогда не сможешь избавиться от них до конца, а может и никогда вовсе, передашь эту требу своим потомкам, которым она окажется не по силам, и они проклянут тебя?

– Нет, – вспомнил я Роську, который обещал сделать мне табуретку, и список тех, кого я еще должен навестить. – Я вот еще в Белоруссию собираюсь, куда-то под Лиду, там вроде родовое гнездо, – зачем-то брякнул я это, хотя знал, что никак не смогу вырваться туда. А может, плюнуть на все и рвануть сейчас вместе. Он как-то сник, он не знал той усадьбы, ему ее даровал караль Станислав, это было унижительно и оскорбительно после всего, что он для него сделал, поэтому он так и не добрался до поместья, оно досталось наследникам брата.

– Хоть хорошие места? – спросил он.

– Не знаю, не был пока, но судя по всему – гиблые болота. Смогаюсь, расскажу, – я уже не сомневался, что этот бред не прекратится никогда, потому я смирился. Хотя он мне окончательно надоел, я был зол, я хотел бросить его на обочине, уехать домой, заползти под одеяло, выпить водки и послезавтра не пойти на работу, имею же я право на отдохновенный запой, хотя бы короткий, на пару дней.

Я вспомнил все, что знал о Петре Гроше, в ином написа-

нии – Гроссе, это был еще тот негодяй. И почему я должен провести с ним вечер? Чтобы потом оправдываться, где я был, почему я выпил, почему от меня воняет этой сраной курицей, от которой меня уже мутит? Завтра я должен мыть машину, то есть везти ее на мойку. Не слишком я добр к одному полоумному?

Я добрый, я мягкий, я лояльный, я толерантный, хотя это вряд ли, я упертый либерал, это не в том смысле, как говорится, просто я уважаю либеральные ценности. А сейчас они жестко попирались, этот придурок сидел в моей, в моей и только моей машине, жрал руками купленную мною тухлую курицу и вытирал свои грязные руки о мои на самом деле кожаные сидения. Я либерал, но не до такой степени, чтобы каждый бродяга, это слово мне нравилось больше, чем бомж, да и на бомжа он не был похож, пачкал мою машину. И я сказал ему резко:

– Понятно, был занят женитьбами, устройством дел, куда уж там до имения.

Я точно вспомнил все, что читал, мне даже не стоило доставать папку: «Женился на Текле Папроцкой, а потом отдал ее за долги кредитору».

– Затем, – начал я заводиться, – на деньги жены купил усадьбу с двором и садом у ворот Аушрос. Не так ли? Во клево. Мне так не повезло. Не за это какой-то хренов Линовский назвал тебя человеком, недостойным уважения? О, блин, как красиво. А? Или я вру? – я наклонился за папкой,

чтобы доказать ему свою правоту, там у меня были справки и документы. И все, провалился, или меня ударили, или ударило, или я просто перепил.

Глава 5. Пра-пра-пра- прадедушка вновь вернулся

Когда я очнулся, оказалось, я спокойно спал в машине, на бардачке лежала недоеденная курица и пустая бутылка из-под водки, а вот лаваша не было. Светало, в телефоне были неотвеченные звонки жены, в машине воняло табаком, а я не курю уже пятнадцать лет.

Надо завязывать, сказал я сам себе, я всегда так говорю после очередного запоя, и надо признаться, могу держаться полгода, однажды даже семь месяцев не пил, это был мой личный рекорд, но потом взяла тоска, я набрался на встрече выпускников и сорвался.

И сейчас сорвался, встретив этого придурка, я даже не знал, как его назвать. Мне было очень и очень плохо, хотелось добавить, но магазинчик еще не открылся. Пришлось глотнуть теплой колы и отправиться домой, зная, что меня там ждет. Я готов был выслушать пятиминутную истерику, тихо лечь в кровать и прикинуться, что сплю и ничего не слышу, жаль только, накатить было нечего.

Я принял решение дождаться открытия сельпо и уже подготовленным вернуться домой. Позвонил партнеру, сказал, что в понедельник не приду, приболел, надеюсь, дня за три оправиться. Он знал эти мои «простуды», даже не спраши-

вал о здоровье, только советовал побольше воды пить и активированным углем закусывать. Хорошо, что у меня выдался лишний выходной без шопинга. Я даже был благодарен вчерашнему придурку, он мне даже понравился, забавный мужик, что-то про Джефферсона говорил, только как-то не закончил, а я бы дослушал историю родственников в Америке.

Когда в прекрасном настроении я вернулся в машину с бутылкой джина, который мне радостно продали, несмотря на оставшийся час до официальной торговли алкоголем – бутылка покрылась патиной времени и придорожной пылью, ее давно никто не брал, – на переднем пассажирском месте вновь сидел Пиотр. Его камзол был помят, а кружевные рукава замызганны, впрочем, у меня тоже был несвежий вид. Он с интересом посмотрел на бутылку:

– О, кажется, это бифитер, я видел их Лондоне. Они все еще охраняют дворец?

– Да, черт возьми, – я сорвал пробку и протянул ему, он спокойно отпил.

– Лондонский джин, но я предпочитаю ячменное пиво. Более здоровый напиток. Я вчера вспылел, – он был миролюбив, – ты затронул болезную тему, это моя тайна. А ты так бесцеремонно влез со своими обвинениями. Надо бы вызвать тебя на дуэль, но я не уверен, что это стоит делать. Я сторонник цивилизованных методов решения спора. Я сторонник воспитательных бесед и буду доволен принесенными извинениями, даже в приватной обстановке.

Домой сегодня я не доберусь, надо вызвать эвакуатор или заказать услугу трезвого шофера, и, может, Маришка права, надо мне добровольно закодироваться, хотя эта идея вызвала у меня вселенскую тоску. Оставалось лишь выпить в последний раз, как следует, жаль, что у меня кончились наличные, а карточку в этом придорожном магазине не приняли.

– Ты когда-нибудь любил?

– Что? Выпить? – ерничал я, глядя, как он вальяжно отпивает из моей бутылки, при этом еще и морщится, будто это дрянь какая.

– Женщину. Любил так, чтобы забыть себя, желать ей абсолютного счастья и не знать, как ее спасти от ошибок, потому что иначе она будет тосковать, но совершив глупость, она будет обижена на судьбу, себя и Бога. Что же мне оставалось делать, как не спасти ее?

Я не знал, что ему сказать. Я влюбился только один раз, да и то, оказалось, что не влюбился, а просто потерял голову. Я уже был женат, по всем правилам, у меня был сын, а она, бестолковая и глупая, пришла устраиваться на работу, маленькая, хрупкая, с косой черной челкой, Одри Хепберн между «Римскими каникулами» и «Историей монахини», никак не старше. Я сразу ее принял, потому что не хотел, чтобы она ушла, я не знал, что я буду с этим делать, зачем мне это, я просто хотел увидеть ее завтра. Она оказалась не таким уж хорошим инженером, как мне показалось при первой встре-

че, можно сказать, что она была просто никаким инженером, но это было неважно. Я терял дар речи, когда она приходила со своими безобразно сделанными расчетами. Я переделывал их вечером. Я не хотел уходить с работы, я шел домой пешком, чтобы быть вымотанным и усталым, а она просто смотрела на меня своими большими глазами вишневого цвета. Она о чем-то догадалась и стала приходить на работу к двенадцати, а я повысил ей зарплату. Потом она пожаловалась, что к ней домогается мой шофер, и я его уволил, без всяких объяснений. А потом мне предстояла командировка в Тюмень, я взял помощника – ее. А там заказчик устроил пикник. Мы должны были улететь домой в пятницу, но командировка затянулась до среды. По возвращении я снял ей квартиру и приходил каждый день, а она совсем перестала появляться на работе. Я был бесконечно счастлив, пока не застал у нее уволенного шофера, который в трусах пил купленное мною итальянское вино в снятой мною квартире. Я и это мог простить, хотя и бился головой о косяк двери. Но она даже не поняла, что произошло, что не так, я же женат, я же не хочу все оставить ради нее. Тогда я ушел, а потом и вовсе ушел, соблазнился предложением другой фирмы, чтобы не видеть ее, потому что знал, что если увижу, то прощу. Все будет снова, я буду послушным пажом, осликом или кем она еще хочет меня видеть, но никогда не буду ее мужем. Потому что она неряха, она пьет до потери сознания, пока есть спиртное, она не помнит, с кем проснулась. Она не сказала

ни одного умного слова, я даже не знаю ее прошлого, но и я не хочу помнить прошлого и знать о будущем, когда держу ее в руках. Если это не любовь, то я не знаю, что такое любовь.

– Это страсть, – заключил Пиотр. – Ты не был на охоте, ты не знаешь, что такое гон оленя. Он кричит на весь лес, а самка прячется в кустах. Его найдет самый бестолковый охотник, но оленю все равно. Он бьет рогами все деревья на своем пути, он ломает рога, он бьет копытами соперника. Ему все равно, что будет с ним после того, как он овладеет пугливой самкой. А потом он забывает ее на целый год, а через год все повторяется. И нет страшнее зверя, чем ревущий от тоски и вожделения благородный олень.

– Спасибо, – отобрал я у него бутылку, – что назвал меня скотиной. Понимаю, что ты благороднее не бывает, а я так – щенок приبلудный, дворняга недоделанная, куда же мне любить. А может я просто не умею? Вот ты жену свою за долги отдал, а на приданое ее дом купил.

– Ты так думаешь?

– Это все знают.

– Верно, они должны были знать именно это и ничего больше, иначе я бы предал ее.

– Ты продал ее за ее же деньги? – догадался я об этой гениальной бизнес-схеме.

– Почти, – он отнял у меня бутылку, приложился к ней, – почти. Если бы я не любил ее страстно и безумно, она могла стать моей и я мог ее заставить быть моей. Но разве это воз-

можно, когда бесконечно любишь. Она, увы, любила молодого Ясинского, человека слабого и недалекого, что видели все, в том числе и ее отец. Ясинский писал плохие стишки и готов был бороться за нашу свободу до конца. Он был любимцем общества и женщин, не пропускал не одной юбки, глупый бонвиван. А она любила его. Ее семья восстала против этого союза. И тогда я женился на ней, чтобы моя жена могла быть свободной, чтобы воссоединилась с избранником. Она отдала мне часть приданого, эти деньги были нужны и пошли на создание убежища для европейских братьев в Вильно. Увы, Текла разочаровалась в Ясинском. Она вернулась в наш дом, я принял ее, мы жили как брат и сестра. Я ждал, что она полюбит меня, но она тосковала по тому придурку, а когда он погиб при обороне Варшавы, а я бежал, чтобы спасти наше дело, она вышла замуж за моего молодого друга Коссаковского, человека чести. Далее я не следил за ее судьбой. Иные цели беспокоили меня.

– Боже, да ты первый сторонник феминизма. Странно, что Текла не написала женский роман, не изобрела швейную машинку и не открыла закон вращения твердого тела, как Софья Ковалевская. Ты просто освободил ее и позволил путаться с негодяем. Ну да, ну да. Высокая цель, достойная история.

– Это было служение прекрасной даме, – махнул он рукой и застыл, будто парковая скульптура, будто сейчас будет какого Овидия вслух читать. Поза была вдохновенной,

профиль чеканным. – Выше служения даме только служение братьям и отчизне. В чем смысл твоей жизни? Каковы цели и надежды?

– Выпить больше нечего. И не на что. И жена моя нас с тобой не пустит, – утро было испорчено, день представлялся еще более гадостным.

– У нее были глаза оленихи, не ведающей страха, – вдруг сказал он, – она и впрямь ничего не боялась. И ты не бойся. Не бойся, иди вперед, Викентий.

Я завел машину и тихо, чтобы не явить опьянение, поехал домой. Я соблюдал все правила, но боялся что щетина и похмельный вид выдадут меня. Мне повезло, никто не остановил. Попутчик мой попросил позволения выйти по нужде, я даже пошел за этим придурком, но в кустах его не нашел. Я его ждал, не отвечая на звонки Маришки, читал ее сообщения, где я был последним негодяем, не умеющим держать слово, слабаком, мерзавцем, предателем и еще кем-то и всем вместе. Я тихо тронулся дальше. Он сидел на обочине. Я заглушил двигатель, вышел и сел рядом, на поваленный прогретый солнышком ствол.

– Ты не рассказал про идею.

– Мы хотели построить прекрасный блистательный мир, где все будут равны и всем все воздастся.

– Мы – масоны?

– Называй так. Отцы основатели создали законы, но Старый Свет с Британией, Пруссией, Россией и Францией стоя-

ли на другом полюсе. И тогда мы решили взорвать Старый мир.

– Теория заговора, – вздохнул я. – Понятно. И что в этот раз предприняли?

– Золота в Америке было достаточно. Эмиссары, в том числе и ваш покорный слуга, ввезли его в Европу. И нашли смелых и честных, тех, кто смял Людовика. Я отвечал за Польшу, но Станислав Август, которого мы поставили в обход Чарторыйских, оказался слабым, безвольным чудачком. Он смотрел в рот русской принцессе, хотел остаться в Петербурге, ибо был бесконечно влюблен в нее, а когда его вернули в Польшу, он решил развести Петербург там. Я даже привез камни для его кунсткамеры, среди них были настоящие уникалы – Аризонский небесный камень.

– Угу. Тунгусский метеорит.

– Что?

– По-твоему, Палласово железо.

– Ты прав. Подобные камни привез из Красноярска мой друг, большой естествоиспытатель, Петер Паллас, он утверждал, что они небесного происхождения и обладают божественной силой.

Не люблю я вдохновенного вранья, тасования дат и фактов, все ради того, чтобы доказать свою дурацкую теорию. Меня не проведешь, я еще в школе все за учительницей проверял и выверял, а потом выступал со своими поправками. Поэтому хоть и учился хорошо, но со своей въедливостью в

любимчиках не ходил. Я еще могу вытерпеть восторженную чушь шарлатанов от истории, им это как концерт или камлание. Но тут же – я даже задохнулся от возмущения – участник событий, очевидец. И я не выдержал:

– Неувязочка у тебя получается. Людовика, как ты говоришь, «смяли» в 1789 году, Станислав к тому времени 25 лет как на троне сидел. А в Польшу его, опять же по твоим словам, «вернули» вообще за 31 год до Французской революции. И на престол его, как раз, Чарторыйские да Екатерина возвели.

– Ты изучаешь хроники? – настало его время удивляться. – Или? – он не договорил.

– Нет. Я не историк, я инженер, поэтому цифры люблю проверять. И считать умею. А когда у меня такая родня нарисовалась, то я все учебники перелистал. И хочу тебе заметить, если ты это золото из Америки тащил в возрасте 20 лет, так получается это было за 15 лет до начала войны за независимость США. Какая предусмотрительность. От англичан и французов еще не отделались, а Польшей уже занялись.

Он посмотрел на меня со снисхождением, даже с жалостью, будто на недоумка или школяра, он даже спорить не стал и доказывать ничего не собирался.

– Польша и была той лодкой, что могла раскатать и потопить Европу. Но, увы, мы ошиблись. Даже Аризонский небесный камень не смог выправить слабый разум нашего беспомощного короля Станислава. Пришлось оставить его.

И тогда мы из Америки вернули Тадеуша, он с 60 тысячами всадников должен был освободить Речь Посполиту и создать там Царство Божие. За несколько лет до этого, чтобы не позволить России протянуть руку помощи Станиславу, мы нашли убиенного русского царя Петра Третьего, который поднял мятеж на Урале, чтобы Екатерина не отправила войска в помощь Станиславу и Людовику, как она обещала им. А потом спровоцировали Порту на войну с Россией. Станислав бежал, спрятавшись под российским крылом. Мы не смогли договориться с Наполеоном, он был хитрым лисом и не хотел гармонии. Мы смогли лишь спасти Америку, освободив ее от уз Старого мира. Когда у нас не получилось все задуманное, мы подготовили молодого Боливара, его вернули из Лондона, и он расколол Старый мир, как орех, они потеряли все свои колонии.

– Ну что ты несешь! – взорвался я. – Думаешь, я вообще ничего не знаю?! Или это у тебя провалы в памяти? Тадеуш Костюшко вернулся из Америки без всяких всадников. А по возвращении несколько лет прозябал в имении на территории нынешней Белоруссии, а когда, наконец, добился армейской должности, стал генерал-майором коронного войска. И хотя постоянно якшался с заговорщиками, против русских войск воевал на стороне того самого короля Станислава. Не мне судить как воевал, но звание генерал-лейтенанта и орден Белого орла получил, опять же, от польского короля. Только через 10 лет после возвращения он присоединился к восста-

нию и возглавил его. Что-то очень долго он ваше поручение выполнял.

Пiotр смотрел куда-то мимо меня, морщился, будто я жужжу, как муха августовская. И я сорвался на крик:

– А про Пугачева это ты так загнул, что слов нет. Пугачевский бунт начался за 16 лет до Французской революции и за 21 год до восстания Костюшко. Про турок ничего не скажу. Во второй половине 18 века то ли две, то ли три войны с ними были, а если начало 19 присовокупить точно три войны. Тут вашей заслуги никакой, мы с ними постоянно собачились, ни с одной страной столько не воевали, как с ними. Наполеон, думаю, ни с какими масонами власть делить не хотел, тут ты прав. Про Симона Боливара ничего не знаю, спорить не буду.

– Верно, – он все же повернулся ко мне лицом, но смотрел поверх моей головы, будто я ему что задолжал и не вернул. – Викентий, ты мыслишь, как мелочный приказчик в лавке. 10 лет, 20 лет, 30 лет. Будто гривенники пересчитываешь, а я говорю об устройстве миропорядка, где все эти десятилетия лишь песчинки в часах. Нужно терпение, нужно возвращение преемников, чтобы к той минуте, когда пробьет колокол, все было готово и сработало как механизм. Как? Знают только хранители и основатели.

– О Боже, снова масонский заговор и снова из Америки, – он точно сумасшедший, с манией величия.

– Ты не веришь мне? – Пiotр загрустил, он даже скривил-

ся той гримасой, что бывает у старых людей утром, когда у них ломит все кости и трудно встать. Я не знал, что думать, у меня голова шла кругом. И тут он заговорил:

– Ты знаешь, сколько эти лжеПетров было? Они оказались тупыми и жадными. Только Емельян...

Я вздрогнул:

– Сколько?

– Сорок два. Но они не хотели дальше уезда идти. И мы находили новых, завистливых и амбициозных.

– Это все ваши марионетки?

– Нет, что ты, нет. Это попытка изменить мир. Тогда мы отказывались от прямого устранения первых лиц. И все же иного способа не было. Но Екатериныны прихвостни захватили наших эмиссаров, отправленных убить ее. Она опередила нас. Вероятно мы сделали ошибку, когда уничтожили двух важных персон в Европе. Я бы назвал их ключевыми игроками.

– Кого? – я ошалел.

– А! – он говорил словно об обыденном. – Австрийского Леопольда, родного брата Марии-Антуанетты, несчастной французской императрицы. Иначе, чтобы он так, полный сил, неожиданно скончался в сорок четыре года? Австрия слишком сильная держава, потому Наполеон оттуда и супругу для размножения взял.

– Была сильной державой. Сейчас это Диснейленд, – я ждал продолжения, но он молчал. – Кто еще пал жертвой?

– Ну это всем известно. Шведский Густав Третий решил, что он сам себе король. И вот тебе! Застрелили его в Опере. Кстати, – продолжил он, – Густав двоюродный братец русской государыни...

– Это тоже ваших рук дело?

Он поднялся, отошел от меня, закурил трубку и замолчал. Мне было жаль этого неудачливого киллера (этого слова он точно не знал), все же какой не есть, а все родня – дедушка или пра-пра-прадедушка. Сейчас я не мог сосчитать.

Я предложил его подбросить, но он покачал головой и пошел через поле сам, я смотрел ему в спину, пока он не пропал, даже не пропал, а растворился. Мне было пора домой.

Глава 6, где явилась Лелик, добрая женщина

Дома оказалось хуже, чем я думал, это я понял по перекошенной улыбке жены, которая делала страшные глаза и даже не орала, что я пьян. Я стал бормотать что-то про проблемы на объекте, про то, что телефон сел, про то, что я виноват и последняя свинья, я исправлюсь, просто такова была ситуация.

– Ситуация? От тебя разит, я не понимаю, во что ты вляпался. Откуда она взялась? Где ты ее, вообще, нашел? – я ничего не понял из ее монолога, но после сегодняшнего дня был готов ко всему. Я шагнул в дом и увидел огромную толстую тетку в веселых высветленных кудряшках, она развалилась в моем кресле, а я не любил, когда кто-то сидел в моем кресле и пил из моей чашки. Она радостно ела торт, и этими грязными руками обняла меня, прижав к своей весьма внушительной груди. Я ее видел впервые.

– Брат, – прочувственно сказала она, не отпуская меня из своих объятий, – брат.

Я вспомнил, что на прошедшей неделе написал десяток писем возможным родственникам, они пока не все ответили, но этой тетки не было среди них, точно не было. Она поняла мою растерянность. Я старался не дышать парами джина ей

в лицо, но судя по ее радостной морде, тетку это совсем не пугало.

– Я Лелик.

«А я Болек», – подумал я грустно, очень захотелось махнуть рюмку, но Маришка смотрела строго, на столе был только чай. Маришка еле сдерживалась, в доме находилась какая-то самозванка, к тому же я пока не поведал жене о своих изысканиях, хотел как-то по случаю, но случая пока не подворачивалось.

– Ну Ольга Гроше, это я, прости, – хлопнула она меня по плечу. – От волнения не сообразила, как назваться. Ты мужу моему Вовану писал, мол, брат нашелся, но его нет, я за него прочла. И вот сразу к вам. Ну что, махнем по маленькой за встречу, – она достала из кошелки бутылку чего-то мутного. – Это брат мой самогон гонит, отличный, весь район знает. Что там виски? Марин, тащи рюмашки, – скомандовала она. Маришка тихо подчинилась.

Ольга разлила всем по сто граммов. Марина, поджав губы, молчала. Я знал, что она злится, всегда так – губы подожмет, молчит, молчит. А потом в слезы и крик, а потом я капаю ей валокордин, смачиваю полотенце уксусом, прикладываю к вискам. Обещаю, что больше никогда это, что угодно – это, не повторится, такой ритуал. Она меня прощает, мы миримся, я держу ее за руку у телевизора, она прижимается к моему плечу, все хорошо.

– А Владимир... – я не знал, как спросить вдову, не при-

думал, что мне сказать по поводу родственника, никогда не виданного.

– Вовка? Срок мотает. Ну что между первой и второй перерывчик небольшой, – она положила колбасу на сыр, прикрыв ломтиком ветчины, и проглотила в два укуса. – Ты, братан, не подумай чего плохого. Это все так получилось. Вовка – он шофер на личной машине, а вечерами – в народной дружине, ну так у нас в Томске говорят. Они хачей на рынке гоняли, чтобы те народ не грабили, и надо же было, чтоб один хачик затылком приложился, дуба дал, а Вовку с металлическим прутом повязали, а он же прут только так, для самообороны. Ну он про остальных ни гу-гу, иначе они бы ему на полную катушку накрутили, ты же ментов знаешь. Вот и огреб червонец. Вовка парень хороший, сынка моего как родного любит, фамилию ему вашу дал, он за людей раздел, хачи со своими ценами оборзели, грабят народ, так он и встал за справедливость, а они говорят, на почве межнациональной розни. Но ты же его не бросишь, – Лелик опять разлила. – Я к нему каждый месяц на свиданье, харчей там, курева, чая забросить. А вертухаи грабят, им же тоже подавай.

Маришка совсем ошалело смотрела на меня, не ожидала жену сидельца принимать. Супруга сослалась на какие-то дела и оставила нас одних, чтобы мы по-родственному посидели. Лелик сразу приступила к делу. Я же должен понимать, что без бабла на зоне никак, а Вовану еще семь лет мотать, она уже на двух работах пашет, пацана забросила со-

всем, глядишь, в дурную компанию попадет. А он толковый, все же Гроше. Ему бы надо в спорт записаться, а там на форму потратиться, он в футбол отлично играет, что какой Рональдо.

– А может, в музыку, на ударные, – неожиданно выдала она и отбила руками по столу самбу. – Я же тоже в детстве танцевала латинос, знаешь, как мне самба давалась, – лишь бы не стала показывать, взмолился я, у меня тут всюду хрупкие предметы. Но она ограничилась лишь отбиванием ритма по столу. Маришка вернулась на шум и спросила, будет ли гостя ночевать, пора уже.

– А, ну да, я к вам всего на пару дней. Завтра к Матроношке схожу, помолюсь, маляву ей оставлю и обратно. Приютите же меня, дорогие мои?

Я посмотрел на Маришку, она, хоть и истеричка, но всегда по делу, когда я неправ, а так человек добрый и отходчивый. Она пошла стелить кровать в гостевой комнате.

После безумной ночи у меня слипались глаза, и даже Лелик меня уже не пугала, да и ей хотелось прилечь, все же разница с Томском по времени велика, там давно уже глухая ночь.

Но увы, мне предстояло долгое объяснение с Маришкой. Кто эта тетка, где я был, почему надрался, сколько еще народу у нас в родне? Я умолчал только про Пиотра и про инструменты, купленные Роське, сказал, что китайскую дрель ему подарил. Маришка все-таки умная женщина, она про-

стила меня, дурачка. Ее волновала эта криминальная тетка, а мы у нее даже документы не видели, мало ли, что она скажет. Я и у Петра верительные грамоты не спросил. И правда, я дурак. Дверь в спальню распахнулась, в шелковом халате с драконами и хризантемами вошла Лелик.

– Я же забыла вам паспорт показать, чтобы не подумали чего, я правда – родня.

В паспорте было указано, что она Ольга Ивановна Гроше, тридцати шести лет от роду, жительница города Томска, проживающая на улице Бела Куна.

– Вот ведь, какие вы люди, настоящие Гроше, чужого человека в дом пустили, приютили, святые вы, как мой Вовка, я-то вам чужая, – залилась она пьяными слезами, похоже, она добавила еще.

Маришка встала, пошла укладывать гостью. Она прониклась ее историей и даже простила мне этот невероятный визит. Она даже меня простила, что с меня взять, раз я такой, особенный, она же понимала, когда замуж шла, какой я, вот только бы мне пить бросить, все это пьянки виноваты, не сомневалась она. Она даже согласилась немного помочь брату-сидельцу, но в разумных пределах, она понимает, что такое одной с ребенком на двух работах.

Хорошая она, всех понимает, знает, как тяжело даются деньги, хотя сама отработала года полтора, строго до декрета. А потом с ребенком три года сидела, а потом сокращения пошли, кто же молодую мать после трех лет отпуска обратно

возьмет.

Наконец, я заснул после двух безумных дней, решив взять отпуск от поиска родственников, хотя бы на недельку. Но было не суждено.

Глава 7. Я отправился в Санкт-Петербург, на родину предков

Не люблю я утренние звонки, но этот был особо настойчивым, хотя стрелка часов едва отмерила восемь. Это значит, что-то случилось на работе, кому еще звонить в такое время. Где-то там на стройке опять сперли генератор, или экскаватор, или рабочие ушли в запой, или кому-то по пьяни глаз выбили, или машину разбили. Я, даже не приступив к завтраку, взял трубку, настроение было испорчено ожиданием неприятности. Я был вял и сосредоточен. А там громогласный незнакомый голос:

– Доброе утро, Викентий, я Агриппина Платоновна Гроше. Вы отправили мне письмо о нашем роде, и я звоню вам. Нам есть, о чем поговорить. Жду вас завтра в полдень, на Петроградской стороне, проспект Добролюбова, кафе Евразия, постарайтесь не опоздать, – она говорила безапелляционно, я не мог вставить слова. Я просто должен был там завтра быть, у нее уже не было времени, ее ждал госпиталь, и она хотела завершить свои дела до госпитализации.

Хорошо, что у меня были партнеры в Питере, поэтому сочинить легенду про срочный вызов на объект труда не составило, и поеду я за счет фирмы. Завтра я должен быть у субподрядчика, как мне все это надоело, дорогая, ты бы знала.

Она все понимала, я устал, я хочу отпуска, мне показалось, что я вполне убедительно лгу. Но, увы, жизнь есть жизнь, а стройка стройкой. Хорошо, что она меня уже не слышала, она пошла собирать мне чемодан.

Мне никогда не позволяли сложить вещи самому, и, распаковывая чемодан в гостинице, я всегда находил там самые необычные и безумно необходимые мне вещи, значение которых я даже не знал. Приходилось звонить и выяснять, что это мне досталось – суперщетка для одежды, прибор для полоскания зубов, самоочищающиеся щеточки и прочая хрень, которой всегда было в избытке в нашей семье. Маришка любила новинки. В этот раз я уезжал всего на один день, утром меня «Сапсан» доставит в Петербург, он же к полуночи вернет обратно, я верил, что так и получится.

Уже в половине двенадцатого я сидел за столом ресторанчика, где подавали японскую еду. Агриппину Платоновну я узнал сразу, как только она вошла. От нее веяло академичностью, ленинградским духом, возрастом (я знал, что ей под восемьдесят, но предпочитал говорить – за семьдесят), властью, уверенностью. Она как-то лихо передала свой зонт официанту и сразу направилась ко мне, хотя я еще не успел встать. Кивнув мне головой, она выложила на стол что-то, завернутое в вышитую салфетку.

– Сохранила, – гордо кивнула она мне, а я боялся протянуть руки к этому предмету. – Я все сохранила и все нашла. Но главное, что мы нашли друг друга, кому-то же я должна

все это передать, – она обвела рукой кафе, и я совсем запутался. Она вела себя, как императрица. Я смутился, протер руки влажной салфеткой, я явно не соответствовал этикету, как и этот кабачок, ее явлению.

– Не люблю пафоса, – произнесла Агриппина Платоновна, ну и имечко, не лучше моего. Она развернула салфетку и достала маленькую печать. Это была печать Гроше, так и было написано – Гроше. И герб нарисован.

– Я хочу отдать ее вам, хотя у меня есть сын, но ему не до моих глупостей. Он только отмахивается и сбегает в очередную командировку, где его ждут то корабли, то морские котики, то еще кто-то. Он абсолютно безбашенный, вот его и носит из гавани в гавань, – достав мундштук, она собиралась закурить, но под строгим взглядом официантки лишь помяла в руках тонкую сигарету, понюхала ее и убрала в тяжелый серебряный портсигар.

– От мужа достался, – пояснила она. – Он Гроше, я лишь жена. Вернее, тридцать лет вдова. Викентий, вы счастливы в браке? – вопрос был неожиданным, я опешил, опустил глаза.

– Да, – ответил я заученными словами. – Я очень люблю свою жену и никогда не оставляю ее.

Она посмотрела на меня как-то хитро, тут же отвела глаза, позвала официанта, заказала суп мисо и роллы. Я тоже стал читать меню, чтобы избежать ее пристального взгляда.

– По рождению я Первухина, я лишь жена и вдова Гроше. Наш род Первухиных когда-то гремел по всей Волге, по-

том, после революции, дед работал скромным бухгалтером в Астраханском пароходстве. Меня отправили учиться в кораблестроительный, а я сбежала в университет, и даже была зачислена на исторический, – она опять достала сигарету. Она гордилась теми победами, которые давно уже не значили ничего. Она это тоже поняла и перешла к другому повествованию. – Когда я увидела на набережной Шмидта Его, судьба моя была решена окончательно и бесповоротно. Этот высокий летчик в кителе и прекрасно сидящих на его изумительной заднице галифе, вызывал взгляды всех. Я сразу поняла, что он станет моим мужем. Он еще об этом не знал, и тут я сломала каблук. Военный летчик с двумя орденами Красного Знамени, само собой, пришел мне на помощь. Я не смущаю вас своими женскими штучками? – хрипло засмеялась она.

– О нет, я не уводила его из семьи. Он, на удивление, оказался не женат. Когда-то он приехал с Урала учиться в ФЗУ, занимался в ОСОАВИАХИМе, потому в 41-м отправился на фронт, в чине лейтенанта, ему неожиданно присвоили этот чин, так и не успел жениться. Он сбил 6 самолетов, сам был сбит, дотянул до нашей линии фронта, а дальше... – она опять достала папиросу. Я рассчитался, и мы ушли на улицу, пошли к зоопарку, там был сквер, а у меня фляжка с коньяком.

Мы отлично расположились на скамейке, даже проходящие мимо менты не подошли к нам, все было вполне прилич-

но, гранд-дама беседует с интеллигентным мужчиной средних лет. И никто не заметил, как мы прикладываемся к фляжке.

Ее история была незамысловата. Она, конечно же, вышла замуж за майора Гроше, что был на двадцать лет ее старше. Хотя у нее была соперница, и это знание она хотела мне передать, уходя в госпиталь или навсегда. Та стерва, именно так она обозначила несостоявшуюся соперницу, мечтала только о красивой фамилии, ей было плевать на Колю, так звали Николая Владимировича Гроше. Груша отчаянно боролась за сердце летчика и завоевала его. Когда Колю уволили по хрущевской реформе армии, он оказался на улице, не умея ничего, кроме как летать. Совсем потерялся, майор в отставке оказался нужным только ей, Груше. Он заочно закончил Техноложку, вырос до большого начальника ленинградского автотранспорта, но так и не забыл унижения с отставкой. В конце восьмидесятых тихо умер на даче в Стрельне, лишь вздохнул и все. Тогда она поклялась сохранить его славное имя. Как-то она оказалась в Венгрии на конференции и увидела на гербе дворца ту же ворону, что и на фамильной печати Гроше, привезла фотографии. Стала копаться, благо есть привычка к работе в архивах.

– Викентий, герб Корвинов один в один с нашей печатью. Может, мы, простите, вы, оттуда родом. Я была в Польше, там тоже обнаружили следы рода, у меня большой архив, который я передала дворянскому собранию. Я не знала, что

появитесь вы. Я просто хотела сохранить. Я вдова, это мой долг. Поверьте, легко быть женой, у нее только радости, трудно быть вдовой, у нее только долги.

– Все сохраню, – я совершенно ошалел от всей этой безумной информации. Но печать в руке подтверждала, что я не во сне и не в бреду. А она продолжала свою повесть, которую записать мог только я.

Та, плохая, по ее словам женщина, тут же вышла замуж за троюродного внучатого племянника ее мужа – Виктора, модного художника, стала Гроше по закону. Однако в семье произошла трагедия, она родила больного ребенка и сбежала, оставив девочку на отца. Я уже знал об этом, знал, о ком идет речь, только я не слышал об этой родственнице не по крови. Женщина оказалась стойкой, пошла по комсомольской линии, потом по партийной, потом в облсовет, потом вышла замуж еще за кого-то и вновь родила, детям от нового брака дала красивую фамилию Гроше. Недавно она, та самая негодяйка, была у Груши, так позволила себя называть Агриппина Гроше, пыталась получить у нее родовые документы.

– Я, старая дура, – вновь закурила она, – отдала ей планы семейных захоронений в Лавре и какие были документы, – она схватила меня за руку, почти царапала ногтями. – Викентий, я прошу – не дайте ей продать могилы. Я знаю, зачем ей эта недвижимость. Я прошу вас, дайте слово, что вы с этим справитесь. Я вижу, что справитесь, отдаю вам печать,

спасите наш род, ваш род, – вновь поправилась она.

Я церемонно поцеловал ей руку, обещая сегодня же отправиться в Лавру, чтобы увидеть могилы предков. Я проводил ее до дома и был потрясен, что она живет в убогой рассыпающейся хрущевке на втором этаже обосанного подъезда. Я даже не спросил, почему она здесь живет, я просто изумленно посмотрел на нее.

– Вы хотите спросить, почему мой муж, занимая такой пост, оставил мне эту развалюху?

Я не хотел ее оскорбить, обидеть, я просто не понимал. Она ответила:

– Нет, нет, я не меняла квартир после его ухода. Это наш дом. Просто Николай Владимирович был честный человек, дворянин и коммунист, то есть безупречный и неподкупный человек, как Иосиф.

– Сталин? – я был уже нетрезв.

– Ну что вы, голубчик, – потрепала она меня по руке. – Наш Иосиф Викентьевич Гроше. Он кристально честный человек. Подумайте, с 46-го года он был единственным бухгалтером по построению Исаакия, его граф Воронцов из своего имения в Пскове вывез, зная его рвение и честность, даже в своем доме на Большой Морской поселил с семьей. А как только Иосиф смог, то снял квартиру в Глухом переулке, это весьма более чем скромно, это совсем аскетично.

– Он строил собор? – я не знал, почему у меня уже кружится голова, но чтобы прекратить это, отхлебнул из фляж-

ки.

– О! Это отдельная история. Он даже был награжден за рвение и честную службу, кажется, Анной второй степени и каким-то скромным Владимиром. Если вас смущает подъезд, мы можем поговорить во дворе. Извините, в дом не приглашаю, у меня не убрано, – мы присели на раздолбанную лавочку у подъезда. – Иосиф выяснил многое про хищения, прежнего главу общины уволили без права занимать должности.

– А его дом здесь где?

– Его? Ну что вы! Разве честно можно заработать на дом в Петербурге? Он вернулся в свой Гдов Псковской губернии, с десятью детьми на руках. Пенсия статского советника позволяла кое-как существовать, вторая жена, принявшая сирот, оказалась женщиной доброй и хозяйственной. Это Руадзе построил два огромных дома на Большой Морской и на Невском.

– Руадзе? – я рылся в памяти, но не мог вспомнить, кем он нам приходится.

– Да, да... Руадзе. Он занимался финансами построения собора до Иосифа Викентьевича, пока государь не увидел его шикарный дом, записанный на жену, само собой. Этот Руадзе был чистый шельмец, тот еще прохвост, – сказала так, будто знала его лично. Я огляделся вокруг – мимо нас прошествовал господин в сюртуке и бакенбардах, как из книжки. Я в ужасе взглянул на нее, кажется, она поняла мое смя-

тение, похлопала меня по руке.

– У нас тут рядом зоопарк – это странное место, всегда привлекает самых забавных персонажей. Вы любите зоопарк, Викентий?

– Да, – я любил все, что происходило сейчас, даже дождь, что начал моросить.

У меня было еще много дел в городе, в котором весной так поздно заходит солнце.

Глава 8. Я посещаю отеческие гробы

Проводив Грушу, я побежал на Малую Морскую, посмотреть дом Воронцова, где квартировал Иосиф. Правда, на этом месте оказалась помпезная гостиница. Заодно увидел прекрасный дом Руадзе. Потом меня ждал Глухой переулок, ныне Пирогова, типовой доходный дом 19 века. Затем, вырвавшись на Невский, галопом, по дороге купив вискарика и прихлебывая из увесистой заветной фляжки, кинулся в Лавру. Слава Богу, Никольское кладбище было еще открыто.

Меня не хотели пускать, но мой не совсем трезвый, но разъяренный вопль про любимого дедушку не позволил меня остановить. За полчаса до закрытия кладбища я прорвался на территорию. А вот там оказалось сложнее.

Схема Агриппины не работала, все изменилось. В старые могилы с их шикарными монументами вселились совсем другие постояльцы. Я блуждал среди упавших надгробий, совсем заблудился, поскользнувшись, два раза упал. В отчаянии сел на какое-то поросшее мхом надгробие, чуть не заплакал от обиды и бессилия. Отхлебнул вискарика, неплохой односолодовый попался. И вдруг ясно увидел перед собой надпись: Екатерина Дмитриевна Гроше. Она, родная, жена Иосифа, строителя собора, я называл его так. Я знал,

что такое финансы в строительстве, это чуть ли не фундамент будущего храма. Я встал, но упал, подполз на коленях к надгробию, опершись на него руками, поднялся.

– Все хорошо, – сказал я кому-то, может, себе, – все на месте. И все вместе, – я разгреб прошлогоднюю траву вокруг каменного креста и пошел дальше, хотя смеркалось и видно было плохо. Я нашел еще одного родственника, когда уже совсем темнело. Сергей Евгеньевич Гроше. Совсем молодой, моложе меня, плита покосилась, как-то криво осела. Я пытался ее поправить, но ничего не вышло. Тут появился сторож и пригрозил мне полицией за хулиганство, вандализм, оскорбление чувств. Я чуть не заплакал, протянул ему вискарь, сначала отхлебнув сам:

– Это прадед мой, понимаешь, прадед, я его нашел, а тут такое дело.

– Лавра закрыта.

– Да Бог с ней, Лаврой, видишь, могилка в каком состоянии, а нас много, в смысле – родни, мы бы поправили, – мне было жалко этого несчастного Гроше, о чьей судьбе мне еще предстояло узнать. Мне было жалко себя и было непонятно, как я, так надравшись, доберусь до поезда, хотя до вокзала рукой подать. Я знал, что будет дома, когда я вернусь, если не пьяным в дугу, то с сильной похмельюги. И прижавшись к плите, я зарыдал. Отхлебнул, вновь протянул бутылку сторожу:

– Помяни.

Сторож приложился и вернул бутылку.

– Может, тебе все же того, – сказал он с участием, – полицию вызвать. У них в обезьяннике теплее. Ну что ты на кладбище ночью. Я же тебя выпустить не смогу. У меня ключи только от главной калитки, а там камеры, сам понимаешь, а у меня в сторожке негде, – он осветил фонарем на плиту. – Эх ты, сердечный, надрался. Он в каком году-то Богу душу отдал, в 1916, что же ты так убиваешься.

– Это мой двоюродный прадедушка, – я снова хлебнул. – Знаешь, какой он был человек.

– Видно, хороший, – согласился сторож. – Вон как его Бог рано прибрал, только 28 годков-то и пожил, ничего не успел натворить. Хорошо, хоть деток нажил, раз ты пришел. Только тебе никак нельзя тут остаться. И открыть ворота нельзя. Что же с тобой делать-то? Может, все же полицию? – с надеждой и заботой спросил он вновь. Я только помотал головой. У меня же послезавтра тендер, я должен быть в Москве, трезвый, побритый, позитивный. Я пошел к ограде, сторож светил мне фонарем, чтобы я не споткнулся.

Забор был высокий, с кольями поверху, щербатый, так что уцепившись за выбоину в кирпичах, я все же смог на него забраться. Правда, где-то зацепил брюки, порвал, судя по треску, но это было уже совершенно неважно. Я сидел на ограде кладбища и смотрел на набережную. Внизу копошились бомжи или просто пьяные петербуржцы, собирая пустую тару. Они даже протянули мне руки, но я покачал головой,

крепко сжав бутылку, прыгнул сам. Само собой, упал, бутылка громко звякнула, запахло виски. Жаль, хороший был напиток, почти четверть бутылки. Бомжи горестно вздохнули и пошли прочь, оставив меня одного.

Кто же меня в таком виде в поезд пустит? Я взмолился к предкам, кого сейчас навещал. Спасите, как же мне одному на этом свете в драных штанах, воняя вискарем, перемазанному глиной и петербургской грязью из непросохшей лужи. Как же? И они напомнили мне, что портфель у меня с собой, в нем документы и банковские карточки, а значит, я могу помыться на вокзале, я не совсем оставленный миром. Я могу даже пойти в гостиницу, но времени до поезда было мало.

Глава 9, где я общаюсь с предком или все же это привиделось в пьяном бреду

Стараясь не дышать на проводницу, я, свежее помывтый и небритый, в кое-как мною самим зашитых штанах, сел на свое место в спальном вагоне.

За штаны мне, конечно, достанется дома, я пошарил по карманам: телефон я не потерял, там было 12 пропущенных звонков от дорогой и даже два от сына. Я не услышал их, я провалился в какую-то временную дыру или нору. Я перезвонил Маришке, сообщил, что уже еду, связь будет плохой, вот-вот отрубится. По моему хриплому голосу она поняла дозу опьянения, начала было причитать, но тут оборвалась связь. Я так решил, отключив телефон. И погрузился в историю, открыв папочку Груши Платоновны, ее я тоже не потерял, так что все было не так уж и плохо.

Соседка, крашенная дама с крупными украшениями, почему-то морщилась, с осуждением глядя на меня. Наверное, все-таки от меня несло вискарем. Она о чем-то попросила проводницу, ее пересадили, и я остался один, ничем не нарушая общественное спокойствие. Тут ко мне и подсел Сергей Евгеньевич, двадцати восьми лет от роду, отец двоих детей, издатель, недоучившийся студент, сын генерала, внук гене-

рала, неприкаянный и нервный.

Я его сразу узнал, без всяких фотокарточек и представлений. Чем-то он был похож на моего родного брата Веньку, так же задибал подбородок и дергал головой. Венька был безбашенный, мог в окно на спор со второго этажа прыгнуть, мог песню загорланить в городе посреди ночи, потому что душа просит.

Сергей был чопорен, в сюртуке, белом галстуке и пенсне, в тонких пальцах крутил мундштук. Я не удивился, после Пиотра мне не казалось это пьяным видением. К тому же сегодня я стал главой рода, печать лежала в кармане. Может, Груша знала о том, что мне являются пришельцы из прошлого, может, они и у нее бывали. Во всяком случае, она отдала мне символ рода, взвалив на меня и все обязанности.

Мне нечем было угостить гостя, жаль, что «Очентошен» разбил, а там ведь четверть бутылки было, вспомнил я с тоской. Поэтому я просто улыбнулся. Мне стало спокойно, я был не один. Все будет хорошо, мы вместе, я слушал его историю, закрыв глаза. Но безумный Сергей, скорее всего, не пил, он через мундштук понюхал что-то из тонкой папиросной бумаги, протянул мне, я отказался. Не мое это. А у него засияли глаза, он в себя вошел. Неужели, кокаин, подумал я. Говорят, с него тяжело слезать. Я не осуждал его. Мне тоже трудно отказаться от возможности хлопнуть, а коли хлопну, трудно остановиться. Это семейное. Ему еще труднее пришлось. Я рос, как трава, двор был воспитателем, а вот его

угораздило в хорошей семье уродиться: папенька генерал, маменька генеральская дочка из Радецких, заносчива, капризна, как все шляхтичи. И даже собственного мужа, бывшего адъютанта папеньки, ставила на ступеньку ниже себя, чем, конечно, бесила его до невозможности. Но он терпел ее польскую гордыню, знал, что героический тесть Федор Федорович Радецкий помогает ему подниматься по служебной лестнице.

Так и было, сразу после начала ухаживаний за дочкой Радецкого, Гроше был назначен адъютантом к папеньке и пожалован капитаном. А потом через три месяца боевой компании на Шипке стал майором. За Шипку же получил Святого Владимира и Святого Станислава. А через два года после женитьбы был уже подполковником.

Маменька у Сергея была отличной, играла на роялях, рисовала натюрморты, принимала соседей, прекрасно исполняла мазурку. А папенька с головой ушел в службу, был самым рьяным батальонным командиром во всей бригаде. Все прекрасно шло у четы Гроше, одно печалило, рождались девочки.

– Представь я был первым после трех сестер, и единственным. Судьба моя была решена сразу и бесповоротно – по семейной традиции светила армейская лямка с хорошим стартом. Отец был счастлив, когда родился я. Он был горд.

– Хорошо, когда много детей.

– Ты знаешь, что такое быть единственным сыном образ-

цового служаки? – он опять нюхнул свой порошок, прикрыл глаза.

– Я младший, папка сбежал сразу, как я родился, – я хотел с ним поделиться своими горестями, но он не стал слушать мою историю, он был занят только собой.

– Отец взялся за мое воспитание: подъем в шесть, зарядка, закаливание, летом плавание, зимой – обливание холодной водой. Я должен был фехтовать, скакать на лошади, от этого стираются ляжки, это сущий ужас. Я так надеялся, что у меня родится брат, и он переключит свою неумную заботу на него, но родилась сестра. Я был обречен.

– Он хотел для тебя карьеры. Он хотел добра.

– Да, да, так он и хотел. Только не для меня, а для себя. Я был должен быть им и даже лучше. Я должен был наследовать все его цели и мечты. Это же долг рода, это история семьи.

– А мне нравится, что я вас нашел, – я был пьян и добродушен. – До этого я был один, а так целый род, семья. Долги наши и обещания, и не тебе одному все это досталось, а можно и на всех разделить, кто уж что сможет потянуть.

Открылась дверь. Проводница некстати влезла в наш разговор, заботливо спросила меня:

– Вам плохо?

– Хорошо, мне очень хорошо, – открыл я глаза.

– Вы разговариваете сами с собой, – не уходила она.

– Я по телефону, у меня телефон такой, в кармане лежит, –

отбился я. Сергей закурил.

– Знаешь, – я не знал, как ему объяснить, – сейчас в поездах не курят.

– Но судя по диванам, это первый класс.

– Ну да, – проводница не отреагировала на дым, только пассажиры стали принюхиваться, проходя мимо моего купе. Как ему объяснить, что в первом классе напитки разносят, а курить все равно нельзя.

– Я сопротивлялся отцу. Вот ты бы хотел оказаться в армии?

– Я никогда об этом не думал, но почему и нет. Я инженер-механик и лейтенант запаса, пошел бы, уже был бы полковником. Чем плохо?

– Я иной. Я хотел быть поэтом, художником, философом. Отец даже согласился, не без матушкиной защиты, дал мне разрешение на изучение мною правоведения в Петербургском университете. Я поступил, зная, что он никогда не согласится на философский факультет. Это был кошмар, безысходная тоска и беспросветность с римским правом, морским, торговым, гражданским, статьи, кодексы, зубрежка.

Я боялся брякнуть что-то не в строку, какой-то он был бледный, нервный, обидчивый.

– В университете я увлекся натурфилософским кружком, запустил учебу, и меня отчислили. А отец отказал мне в содержании. Хозяйка квартиры на Гороховой оказалась доб-

рой душевной женщиной, она вдовела, я иногда занимался с ее мальчиком языками. Она оставила меня в квартире с тем, чтобы я подготовил ее сына к гимназическому курсу. Мы сошлись коротко. Кто-то сообщил семье. Отец попросил меня к ответу.

– Это тогда он в тебя стрелял? – вспомнил я записки Груши Платоновны.

– Это я в него стрелял. Не стрелял, – он подбирал слова, – у нас была дуэль, он попал в старую липу, а я – в воздух. После этого я женился на Лизе, семья не приняла нас даже после венчания. Я остался один, открыл издательство, издал прекрасные книги, всего две. Они не имели спроса, общество еще не готово было их читать. Лиза не попрекала меня, она верила, что я особенный, что все будет хорошо. Она стала готовить постояльцам нашего домика и даже гладить им белье. Родители так и не приняли моего брака, Лиза была старше меня на восемь лет.

– Это сушья ерунда.

– Для тебя. Ты просвещенный человек, а они не могли принять этого, они не могли признать этот мезальянс. Они перестали отвечать на мои письма, когда я просил их о помощи, и я оставил их. Лиза родила мне дочь, – он тронул мое запястье холодной и мокрой рукой, пальцы его подрагивали.

– И сына. Сергея, – открыл я папку, – Сергей Сергеевич. 1917 года рождения.

– Сына? – он побледнел, сник и исчез. Я не успел ему ска-

зать, что Сергей прожил долго, очень долго, прошел войну, жил в Питере, который опять Санкт-Петербург. Я ему ничего не успел сказать, а мог, про внуков и внучку, которая совсем с ума сошла на почве родословной, пишет статьи про фамилию и ее роль в России. Я даже не сказал, что его Лиза прожила 97 лет.

– Мужчина, Ленинградский вокзал, – дотронулась до плеча проводница.

Было раннее утро, шел дождь, супруга ждала на вокзале, я же забыл зонт. Я прикрыл рваные штаны портфелем, обнял ее, прошмыгнул по платформе и сел в такси. Маришка молчала, поджав губы, это означало грозу и истерику. Но пока она не сказала ни слова, держась при постороннем нам водителе, что стоило ей немалого труда. Крик уже стоял в горле, злые слова с трудом удерживались на языке, пылали щеки, она дрожала. Мы поехали в городскую квартиру, а не загородный дом, хотя я хотел бы оказаться в поселке.

– Вот тут живет Ольга Сергеевна, – махнул я рукой в сторону Рижского вокзала. Зачем сказал, сам не знаю, просто вспомнил ее дедушку, недоучившегося питерского студента-наркомана. Дорогая открыла рот, но не успела ничего взвизгнуть.

– Надо ее навестить, я ей многое хочу рассказать. Думаю, она нас примет.

– Нас? – она как-то захрипела, будто ее придушили.

– Конечно, она же наша родственница, – я наглед на гла-

зах. Мне вдруг стало весело и легко, я даже решил для себя, что хлебну дома вискарю или коньяка, или все же вискарю, с этим я пока не определился. Граммов сто. Или лучше сто пятьдесят.

Дома меня ждал предсказуемый сюрприз: полрюмки текилы, болтавшейся в бутылке еще с Нового года, а все остальное спиртное было надежно спрятано, даже опытный диверсант не найдет. Маришка мастерски меняла места хранения купленного в дьюти-фри алкоголя. Еще меня уже ждали подогретые в микроволновке макароны по-флотски.

Пока она накрывала на стол, я успел снять драные штаны и засунуть их куда-то под кресло. Она их непременно найдет, но не сегодня, а значит, скандал начнется позже. Завтра скандалить никак нельзя, мне надо в веселом состоянии пойти на работу, от выигранного тендера будет зависеть наш летний отдых. И крик про рваные штаны можно будет оттянуть на пару дней, и, глядишь, вовсе замотать. А, может, их просто выбросить с балкона, мелькнула шальная мысль, их сопрет бомж, и все – уйдут штанишки. И я даже сам буду недоумевать, где же они, я же вот при ней только что разделся. Для реализации этого плана я уронил пустую рюмку на пол, она разлетелась на осколки, я тут же был изгнан из кухни. Загудел пылесос, и она не услышала, как я тихо открыл балконную дверь и так же тихо ее закрыл. Затем уютно устроился на диване, взяв в руки Грушину синюю кожаную папку с надписью «Минтяжмаш».

Глава 10. Я посетил внучку двоюродного прадедушки Сергея, но дружбы не вышло

Тендер я выиграл, упав до уровня плинтуса, грустно стало, потому я решил поднять себе настроение. И прихватив синюю папочку, предварительно созвонившись, отправился к Ольге Сергеевне Грековой, по девичеству матери – Гроше, в прекрасный сталинский дом у Рижского вокзала.

Она приняла меня радостно, будто ждала всю жизнь. Она после смерти мужа жила одиноко, занимаясь лишь историей рода, детей ей Бог не дал, как я понял. Мы пили жидкий чай и обменивались новостями столетней давности.

Ольга Сергеевна была дамой светской и хотела вещать сама, мне было предоставлено только внимать и восторгаться ее великим происхождением. Она говорила так, будто это она сама воевала на Шипке, издала антисемитскую книжку Вагнера, построила Исаакиевский собор.

Она развернула огромный лист ватмана, где было нарисовано семейное древо. Оно было куцее, будто его стриг косорукий садовник. Она отсекала всех неудачников или тех, кого она не считала нужными упомянуть. Там даже не было ее родного дяди Сергея Сергеевича и меня тоже не было, а уж тем более моего сына. И не было внуков ее брата, кото-

рые, как я знал, уже закончили школу. Но выходило так, что все бесконечные пафосные Гроше каким-то хитрым образом были ее дедушками, ибо сходились в кружочке с ее именем. Про брата она объяснила:

– Вы знаете, Викентий, он так некрасиво повел себя после смерти нашей матери, он хотел разделить наше родовое гнездо, мне пришлось его вычеркнуть. Вы понимаете, о чем я? Как можно разрушить родовое гнездо, чтобы решить свою жилищную проблему! У него дети, у него внуки, им негде жить, а мне одной что надо! О, эти страшные слова – что тебе надо. А мне нужна вся история, вся долгая история. Я одна помню, как наш дед Винченцо, пра-пра-пра, конечно, прибыл из Италии в холодную Россию, чтобы построить величайший Исаакиевский собор, чтобы венчаться в нем.

Я не выдержал:

– Этот Иосиф был пра-пра-пра-бухгалтером.

– Ну что вы, голубчик, до 1936 года на Исаакии висела доска с именами строителей. И мой великий предок был среди них.

Крыть было нечем, она кроила историю на глазах, как кофточку, пришивая карманы, укорачивая рукава, меняя пуговицы, и все выходил верно, пока я не ляпнул чушь:

– Исаакий построил Монферран, я помню.

– Монферран само собой, но наш Гроше чертил, считал прочность, пересчитывал.

– Это верно, он был главбухом.

– Душа моя, ну не судите всех по себе. Просто он все сделал, а слава досталась Монферрану. Вы же человек бизнеса, все понимаете, как это бывает. Работают одни, а вершки снимают другие.

– Но вы неточны в своей истории.

Она вспыхнула:

– Я столько лет сохраняла и преумножала славу семьи, я отрыла столько нового, у меня огромный архив, – она перешла на крик, вырвала из шкафа папки. Рассыпала фотографии каких-то генералов, людей в мундирах, Рихарда Вагнера в берете.

– А Вагнер зачем? – спросил я по глупости.

– Это мой дед Сергей, – она была настроена решительно, у нее даже щека задергалась. Я как полный дурак стал объяснять, что Сергея я только что, на днях видел, это совсем не он, это точно Вагнер, чью статью про жидовство в музыке он издал.

– Мне ли не знать, кто это! – заносчиво сказала она. И тут я точно понял, что никакие мы не итальянцы, а горделивая польская шляхта. И искать корни надо в Польше, какие корни, я и сам еще не знал, но хотелось узнать, кто же я.

– Молодой человек, вы хотите примазаться к древнему роду Винченцо. У меня есть сын, наследник, я вам не позволю присвоить нашу историю. Покиньте мой дом, – она встала в красивую позу, как для семейного портрета.

Да и в самом деле мне было пора. Еще же дома объяснять,

где я болтался после работы. Но сейчас только бежать, бежать от этого упыря. Когда я выходил, она еще раз сказала, что мне не удастся отобрать и узурпировать ее род.

Я попрощался и даже в лифт не сел, по лестнице скатился. И что же я так обиделся? Что так взбесился? Что она несет чушь? И сочиняет все поперех? История это такая штука, что вечно переписывается. Меня еще в детстве волновало, почему порох изобрели черт знает когда, а стрелять с его помощью стали через много веков спустя? Почему соорудив глиняную табличку, египтяне не додумались намазать ее краской и приложить к папирусу, хотя с успехом использовали оттиски печатей, почему книгопечатание изобрели спустя двадцать столетий? Фигня какая-то. Училку злило мое любопытство и сомнения, а когда в школе наступила новая и новейшая история, я потерял к ней интерес.

И только попав за границу, я вновь задумался. Ну как могли греки наваять такую изящную фитюльку на Крите, а потом, много веков спустя, вернуться к грубым камням в Тиринфе и Микенах. Да и откуда известно, что это дворец Миноса, почему это лабиринт, а не система канализации или зернохранилище. Особенно забавлял меня деревянный трон царя, выживший под вулканическим пеплом. И откуда все эти британские Эвансы узнали, что окон во дворце было столько, если им достался фундамент? Василиос из соседней таверны рассказал? Мне казалось все это придумкой археологов и хитроумных историков, сделавших из своих научных

раскопок Диснейленд для наивных туристов. Я не мог согласиться с хронологией, я не мог понять, куда пропали шесть, а то и восемь веков, после падения античных цивилизаций. Что было? Все монастыри начинали свою историю века с девятого? А что было до этого?

Первое мое настоящее историческое потрясение случилось лет десять назад, в Греции. Как же меня сломал и раздавил музей на Крите. Я так мечтал, всю жизнь, с детства, увидеть все эти настоящие картинки из школьного учебника – дельфинчиков, мальчика, быка. И вот они здесь. Я не смотрел на витрины с фигурками и наконечниками, я бежал в зал фресок Кноссоса. И я их увидел, остолбенел, чуть не закричал. Но посетители с проникновенными вдохновенными лицами не позволили мне выразить всю гамму чувств, испытанных в этот момент. Я видел за толстым стеклом несколько фрагментов цветной глины, из которых потом вырастали рыбы и дельфины, фигуры людей и животных, дорисованные каким-то умным археологом.

А почему так? Почему так? Почему человек, явно покуривший травки или чем там кумарились в Греции в годы раскопок, нарисовал дельфинчика так или мальчика или девочку на быке, почему на быке? Нога там, на фрагменте, есть, а может – рука, а может, ствол оливы или сосны, но ничего больше нет. Откуда мальчик взялся? Я оборачивался к посетителям музея с удивленным лицом, но они скорбно стояли, внимая пафосу древней цивилизации, существовавшей еще

до всего начала и конца, вместе с Минотавром и Ариадной и прочими персонажами «Мифов и легенд Эллады», была такая тоненькая книжка у меня в детстве.

А не было ничего, не было никаких чудес. Были еще восстановленные из одного мраморного огрызка статуи, из чего, извините меня, люди добрые, они решили, что там две бабы, а не три мужика или мужик с конем или кто еще. Я смеялся. Чтобы не плакать от обиды, от обмана, в который я верил с детства. На меня озирались ценители древностей, я ушел из музея, и после этого началось главное.

Вот он – дворец Миноса, колыбель культуры. Мне говорят, что я стою у истока цивилизации, возникшей за две тысячи лет до нашей эры, или за три, или за полторы, кто бы там тысячу двести считал. Мне заливают сказки про тридевятое царство. Про царство сказочное мне хоть понятно – фантазии и народное творчество, но тут на полном серьезе. Главный дворец великой, а существовавшей ли вообще, цивилизации представляет из себя хаотичное нагромождение непонятных по назначению помещений, расположенных на полутора гектарах равнины в заброшенной глуши острова. Но толпы идут сюда, чтобы почувствовать место силы, прикоснуться к легендарным камням. Я понял: дело в названии – Минос, лабиринт, Дедал, Тесей, Ариадна. Почему цивилизация минойская? Потому что один из царей Минос. А почему здесь правил Минос? Так Эванс утверждал, что раскопал знаменитый лабиринт Минотавра.

Даже путеводители сейчас не упоминают строение, которое Эванс называл лабиринтом. Смотрел я на этот лабиринт. Маленькое сооружения 50 на 50 метров, примерно, а то и меньше. Ленточный фундамент какой-то. Какой бык тут заползет? Коза только и пройдет. Сейчас новую версию продвигают – сам бестолковый и запутанный Кносский дворец и является лабиринтом. Типа Минос в палатке рядом с дворцом жил, а пасынок его Минотавр во дворце безобразничал. Хотя, если посмотреть на аскетичный полуподвальный тронный зал, можно поверить, что царь в шатре у входа ютился вместе с дочуркой Ариадной.

В общем, название от балды. Крепости нет, стен нет. Такая столица? Черт знает, как далеко от моря. Нет у них ни-фига никаких Миносов и Дедалов, все фальшак. Мне видно. Как же профессиональному археологу не видно? Я чуть не плакал от обиды, вспоминая учебник за пятый класс, который я не сдал в школьную библиотеку, замотал, оставил себе, пока он где-то в студенческой общаге не канул. Кто-то спер, тоже мечтатель. И вот я увидел бессмысленные, созданные без всякого плана, изящные строения, восстановленные Эвансом. Как у него, блин, все точно совпало с границами купленного им участка. После, в Микенах, я утвердился в мыслях о грандиозном обмане английского археолога. Постройки микенской культуры, которая была позже минойской и ближе к нам на полтысячелетия, выглядели грубо и очень прозаично по сравнению с чистенькими и аккурат-

енькими домиками Кноссоса. Этот фигов Эванс всех провёл и обманул.

Странная биография у этого археолога. Первую половину жизни он, похоже, шпионил на Балканах в пользу британской короны, а в пятьдесят неожиданно серьёзно занялся раскопками. И хотя всюду пишут, что копал он исключительно на свои, антикварную лавку в Лондоне его семья держала всегда. Поднялись они на греческих находках. И чем древней и красочней была выдуманная история Кноссоса, тем дороже и быстрее уходили артефакты. Не удивлюсь, если большинство из этих находок либо свозилось со всего Крита, либо делалось в соседней деревне каким-нибудь Костасом. Найденные им глиняные таблички линейного письма А так никто и не смог прочесть. Наверное и не прочтут, Костас иероглифы бессистемно наносил. Ну, а награды, почести и известность – это приятное дополнение к деньгам.

Я уехал с Крита и решил никогда не возвращаться на этот остров мифологии, остров лжи и подлога.

И вот теперь путанная история моей семьи. Я даже готов был поверить во вселенский заговор Пиотра, что утверждал, будто война Боливара, война за независимость Америки, восстание Костюшко и Пугачевский бунт хорошо спланированные действия группы основателей, игравших странами и людьми, как пешками. Может быть, он знал истину, хотя все это смахивает на жидо-масонский заговор и прочую чушь. Я готов был слушать истории родовых призраков, объ-

яснявших историю общую. Я готов был даже собрать их на конференцию в родовом гнезде, как оно там, Ловчиловичи или Рыловцы. Им транспорт не нужен, доберутся до этой белорусской глуши, поговорят по душам. Может, так и сделать – рвануть в это заброшенное имение, а они подтянутся.

Я вместе с фамильной печатью взял на себя их истории и беды. Я добровольно и нечаянно принял на себя обязательства довести до каждого из тех Гроше, кого я уже нашел, и тех, кого еще найду, всю нашу путанную и пока невнятную родословную, какой бы она не явилась. Я не буду кроить ее, как Ольга Сергеевна, оставляя только выдающихся и знатных. В этом я поклялся сам себе. Полюбите нас черненькими, а беленькими нас любой полюбит... Не было бы остальных, невыдающихся, твердил я себе, то и нас бы не было. Я решил принять их всех, какими бы они не оказались, как неведомая мне Аня Гроше или неприкаянный Ростислав, как Вовка, муж Лелика. Я не буду их судить, я лишь их родственник, их осудит суд или совесть. Приму всех, решил я, и помогу каждому, если им нужна моя помощь. Так вместе, поддерживая друг друга, мы восстановим славу рода, не только же семнадцатым веком гордиться. Все эти встречи даны мне неслучайно. Я восстановлю темные века нашего рода, узнаю про каждого. Мне казалось, что я смогу все это сделать. И даже если у меня не получится, я попробую. Прав Пиотр – цель должна быть великой, и надо просто к ней идти, даже с маленькими делами и небольшими открытиями.

Вот Иосиф был просто бухгалтером, перебирал счета, щелкал на счетах, заказывал материалы, подсчитывал метры и граммы, скромная маленькая должность на строительстве великого собора. Я чувствовал себя Иосифом Гроше, чей подробный послужной список лежал у меня в папке. Сухая справка архива говорила лишь о местах его службы и наградах. Я не знал, почему он женат дважды, кто его жены. Почему он рьяно боролся против казнокрадства, когда сам император утверждал, что в России только два человека не воруют – он да наследник.

На светофоре я вспомнил, что тут через пару улиц живет еще одна родственница со странным именем и другой фамилией. Я решил заехать на удачу, вдруг она примет меня. Мне хотелось рассказать кому-то все, что нахлынуло на меня сейчас после встречи с этой заносчивой старой дурой.

Запарковав машину во дворе пятиэтажки на Шереметьевской, я позвонил в дверь. Мне открыли.

Глава 11. Я встретил Ее, единственную и навсегда, но пока и сам еще не понял, что произошло

Она не была Одри Хепберн, она была с меня ростом, но худенькой и хрупкой. Она была темной шатенкой, почти орехового цвета, но в электрическом свете ее волосы отливали рыжими, веселыми, золотыми искрами. За ней стоял мальчик лет десяти с пытливым взглядом. Еще был кот рыжего цвета. И за ними ветхие выцветшие обои, рисунок которых было не разобрать, потрескавшийся линолеум, вымытый до блеска, трещины стояли ребром, самокат у стены. Где-то шумела стиральная машина.

– Я Викентий Гроше. А вы Летиция Гроше.

– Нет, сейчас нет, это моя девичья фамилия, сейчас я Панкова, а до этого была Красовской, по мужу.

– Я ваш брат, – ляпнул я. Сам понял, что глупость, но уже сказал, а как объяснить иначе, я не знал.

– Викентий? – она как-то особенно произнесла мое имя, по слогам, по буквам, будто спела. – А папа говорил, что у меня брат Ростислав, и что мы обязательно подружимся, когда он, в смысле вы, подрастете. Когда простите нас, когда он повзрослеет и все поймет сам, – она запуталась в объяснениях, – но папа не дождался. А вы пришли, это хорошо,

что вы пришли, мы должны были встретиться.

– Я Викентий, Ростислав тоже есть, я вас познакомлю, он славный малый.

– Викентий? – она удивилась. – Брат? Но папа не говорил...

– Я не сын вашего отца, я ему четвероюродный племянник, а вам получается брат, – я не знал, как объяснить ей смысл моего визита, я и сам не очень понимал, зачем пришел. Пахло жареной картошкой, я почувствовал, что хочу есть и не хочу уходить. Она пригласила:

– Мы с сыном собирались ужинать, проходите.

– Я с пустыми руками.

– У нас тоже не густо, – улыбнулась Летиция, – картошка с луком. Будете?

– И укропом, – добавил мальчик, появившийся из-за ее спины.

– Это мой сын, Саша.

Сто лет не ел жареную картошку, золотистую, с коричневым отливом, щедро посыпанную рубленым луком, Летиция нарубила его мелко, размером с рисовое зерно. Сашка важно резал укроп ножницами. Я только сейчас заметил, что это весь ужин. Саша понял:

– У нас еще шпроты есть. К празднику. Сегодня праздник, у мамы брат нашелся, а у меня скоро будет, в августе. Или сестра.

Летиция смутилась:

– У него такой возраст, он обожает общение. А у меня то частные уроки, то ученики. Я сольфеджио преподаю, поэтому гостей мы принимаем редко.

– А ваш муж?

– Он ушел, а Сашкин папа ушел еще раньше, – она не хотела продолжать рассказ, замолчала и, заносчиво подняв подбородок, сказала, – Но вы же пришли говорить о моем отце.

Я скороговоркой рассказал про наш род, про тех, кого я уже нашел и кого еще найду. Саша уцепился за слово Радецкий и начал насвистывать марш.

– Это марш Радецкого, я его в оркестре играю, правда у меня маленькая партия. Пока. Но ничего, меня еще возьмут в первые флейты. Если у нас такая семья.

– Он не помнит деда, но тоже мечтает ходить в эполетах, – засмеялась она.

– Все я помню, – возразил Сашка, – и как он тебя учил костер с одной спички разжигать, и на лыжах ходить, и по облакам погоду угадывать, и как вы по тарелочкам стреляли на сборах, ты же сама говорила.

– Говорила.

Она рассказала про отца. Ее дед в 45-м остался под Веной, отец попал в суворовское, а там проявил удивительные спортивные дарования. Долго выступал в сборной ЦСКА по биатлону, был даже чемпионом Европы. А потом все кончилось, возраст есть возраст. На тренерскую работу его не взя-

ли, работал в ДОСААФе, в обществе охотников и еще на каких-то должностях для отставных подполковников. Запил и как-то тихо ушел, во сне, он не болел, просто ему все стало не интересно. Это давно было, за два года до рождения Сашки. У нее тоже не заладилось, с первым мужем рассталась, второй муж был хорошим человеком, однако тоже что-то не сложилось, но он им помогает, когда может.

– А мама?

– Мама... Мама жива. Но мы редко видимся...

Маме не понравился ее брак, к внуку она тоже ничего не испытывала. А потом еще и оказалась права, что первый муж ее ничтожен и слаб. Второй муж оказался тоже неудачником. Мама устроила свою жизнь, в 58 лет вышла замуж, и они созванивались лишь в Новый год и на день рождения. Сашка не переживает, он и не помнит бабушку, значит, так вышло. Я слушал.

Ничего не было в этот момент для меня: ни мира, ни моей дурацкой истории. Была только женщина в длинной мужской рубашке, мальчик Саша и рыжий кот, развалившийся под батареей. И был еще я, кто незаметно для себя съел полсковороды жареной золотистой картошки с жемчужным луком. И неудобно было, что я их объел. Но она не заметила или сделала вид, что не заметила. Саша принес чемодан со старыми фотографиями и рассказывал мне про дедушку. Особенно ему нравились снимки, где дед на пьедестале получает медаль. И с винтовкой на лыжах тоже хорошие.

– Летиция, а могу я отсканировать...

– Зовите меня просто Лета, меня так звали. А как вас мама звала?

– Кен. Или Кеня.

– Кен? Как Том и Гек.

– Как Чук и Гек, – засмеялся я.

Пора было уходить, а я все перебирал фотографии. К ней пришел мальчик-ученик, и наступило время прощаться. Я положил на стол деньги, просто как родственник, просто помочь, но она, сказав банальное: «что вы, не надо», засунула мне их в карман пиджака. Я испросил разрешения зайти еще раз, Сашка дал мне согласие и просил не затягивать с визитом, даже если мамы не будет, он меня с радостью примет.

Глава 12. Брат Ростислав вернулся обновленным, не зря я ему помог

Не знаю, почему после этого вечера я каждое утро посылал записку Летиции на ее электронный адрес, до планерки, до рабочего дня. Мне было важно, что она ответит, хотя бы простым: «Спасибо». Я молотил чушь, беспокоился о здоровье, передавал привет Сашке, отчитывался о новообретенных родственниках, посылал выписки из архива и страницы журнала «Разведчик» 1914 года, где упоминались боевые заслуги Гроше. Я не был влюблен, тем более, что она была моей какой-то там юродной сестрой, я просто хотел, чтобы она прочла, вспомнила меня, может, улыбнулась, может нахмурилась, задумалась или засмеялась. Это стало необходимостью, как повисеть пять минут утром на турнике или побриться, без этого день не мог сложиться, все бы пошло не так, а я бы раздражался. Она отвечала скупо, но все-таки отвечала. И от этого у меня прибывала энергия, я готов был свернуть горы, я пугал этим подчиненных, которые не успевали за мной.

Я посадил три дерева возле своего загородного дома, где пока еще только планировался сад. Меня даже не злили воскресные походы в «Ереван-Плаза» или «Метро». Там было много забавного и веселого, там ходили счастливые люди. И

я был среди них, и они меня не отторгали.

Я даже проводил Лелика в аэропорт, хотя вместо обещанных трех дней, она зависла у нас в загородном доме на две недели, и Маришка даже успела с ней подружиться. Лелик поделилась с ней рецептом пирога на кефире, не знаю, как это у нее получилось, но капустный пирог был сочным и пышным. Я съел почти половину, а они радовались тому, что я ем с удовольствием.

И, когда через два дня после отлета Лелика к нам явился Роська, Маришка не стала поджимать губы, она просто испугалась, увидев мужика с табуреткой в руках. Но Роська идиотски-обаятельно улыбнулся и протянул табуретку:

– Вот! Я брат ваш – Ростислав. А Кеня где?

Табуретка была кривоватой, но крепкой. Роська сам сел на нее на крыльце, даже подпрыгнул, кого угодно выдержит. Маришка поджала губы, этот хам явно намекает на ее вес, но что делать, к пятидесяти годам многие набирают. А она до сорока лет держалась, утверждала, что весит сорок пять, хотя откуда в ней столько при ее росте, тоже мне Одри Хепберн нашлась.

– Ну как? – Ростислав ждал одобрения и восторгов.

– Викентий, – строго посмотрела на меня супруга.

– Ростислав, брат мой, – брякнул я как есть. – Нашелся.

– Обмоем? – радовался Роська. – Зови, хозяйка, в дом, я посмотрю что бы вам еще изобразить. Я все умею. Теперь умею, – поправился он, виновато взглянув на меня. Роська

порылся в кармане, достал пятьсот рублей, протянул мне. – Твоя доля. Ты не думай, я человек честный, все отдам.

Зря он сказал это при Маришке, она же потом из меня душу вытрясет, сколько дал, да зачем. Но это будет вечером, а пока она накрыла на стол и даже выставила дешевый виски, не двенадцатилетний же неизвестно кому подавать. Хотя она женщина добрая, но принцип «всяк сверчок» соблюдает. Роська рылом на элитный алкоголь не тянул.

– А я пивасик принес, – Роська достал железные банки. – Моя не смогла приехать, работает, но в другой раз непременно приедет.

Ему не терпелось рассказать, как все чудесно сложилось. Он коренной красногорский, его там все с малолетства знают, мать все на районе уважали, она же медсестра в поликлинике была, всем уколы ставила. А про него считали, что ничемный, бестолковый вырос, хотя он пьет в меру, армию отслужил, водителем устроился. Да только так сложилось, что он за Светкин день рождения пивасика утром хлебнул, права и отобрали. Перевели в гараж, а механик из него никакой. Светка тоже стала морды крЮчить и носом крутить, мол, какой он мужик. Он-то думал, когда я нашелся, деньжат у меня подзанять, на время. А там как-то, он сам не знал, как сложится, все наладится, образуется, и он мне вернет, а пока Светке денег даст, чтобы она не гундела. Она же ему душу рвет и в тоску погружает, как тут новую жизнь начинать, для этого нужен заряд, порыв, а ее бесконечное «бу-бу-бу» его

гасит, крылья подрубают. И тут я явился.

– Она и тут издеваться стала, мол, какой из меня мастер. А я же путягу на столяра кончал, забыл, правда, все.

Я с интересом рассматривал предмет мебельного искусства квалифицированного столяра. Дед мой, школьный учитель физики, делал лучше.

– Светка и тут, зараза, стала подбивать меня толкнуть инструмент, пока он новый, мной не порченный. Я, веришь, брат, удила закусил. Я ж не безрукий, пальцы помнят, как лобзик держать. Но с этим инструментом пришлось помозговать, я такого и не видел в училище, там что – молоток, пила да сверло. Но освоил, всю ночь сверлил, пока соседи по батарее стучать не начали. А на утро опять взялся, вот табурет соорудил, соседи, правда, пришли, мол, что это у нас жужжит, не ремонт ли мы затеяли. Какой ремонт, когда денег нет. И тут такое счастье повалило.

– Прикинь, братан, – смеялся Роська, – у соседки, что под нами, шкаф сломался, петля у дверцы отошла. И тут я с инструментом, вжик, за три минуты ей на эпоксидку посадил. Моя сразу заважничала, что мужик у нее рукастый. Ну я, значит, скамейку пилю, собираю. Я же, посмотри, – стучал он по табуретке ладонью, – без одного гвоздя собрал, на века. И заметь, я ее лаком не крыл, только воском натер, видишь, как отливает золотом.

– Хорошая вещь, – согласился я. Маришка поджала губы, табуретка не вписывалась в ее дизайн. В ее дизайн ничего не

вписывается, только то, что она решила поставить. Судьба Роськиной поделки была решена, отправится в сарай, а потом пойдет на костер. Роська хмелел и болтал без умолку:

– Моя-то стала хвалиться во дворе. И, прикинь, стеллаж в кладовке заказали соседи. Вот, две тыщи поднял за день. Ну, само собой, минус материал. Вот тебе принес. Это моя велела. Она еще тебе хренодер передала, сама делает.

Роська обещал все вернуть, у него заказов на районе хоть отбавляй. Он уже думает гараж какой снять, не в квартире же пилить. Светка не против, если туда пацаны с района таскаться не будут. Но он зарекся: расслабиться можно только по праздникам, после футбола, у них такая традиция с пацанами – мяч в воскресенье погонять. Он уже все продумал: никакого пива в будни, он же с инструментом работает, тут глаз нужен точный, рука верная. Только не все же ему скамейки да полки пилить, может, на какой буфет замахнуться или кресло с гнутыми ножками, чтобы как у предков было, все красиво. Он даже книжки смотрит, как там раньше все изящно устраивали.

– Ты мне, брат, путевку в жизнь дал. Вот теперь верю тебе, что наши предки пол-Питера построили. А я буфет про них соберу. Не Исаакий, конечно, но все же. А пацана в художественную школу запишу, не все же мяч во дворе гонять, пусть учится, раз порода у нас такая.

– Не пол-Питера, – поправил я, – немного во Владикавказе, еще есть несколько зданий в Пятигорске.

– Какая хрен разница. Пятигорск тоже хорошо. Вот сейчас малек поднимусь и рванем семьями на воды. Да, Маришка?

Жена подняла рюмку с виски и неожиданно выпила:

– За ваши успехи, Ростислав. И за вашу табуретку спасибо. Я всегда хотела такую вещь, удобно люстру мыть, не то что стремянка, – она девчонка неплохая, иногда даже веселая, просто она порядок любит и обидчивая очень, и подозрительная.

– Я вам еще сделаю, с ручкой, чтобы было за что держаться. Ее можно будет поднимать и фиксировать, – Ростислав пустился в объяснения, Маришка уже стала ерзать, спрашивать, не пора ли сладкое подавать. И тут Ростик выдал главное:

– Я ведь, что пришел. Спросить тебя, не знаю, как ты решишь, но как решишь, так тому и быть, хотя Светка круто придумала. Но твое слово главное. А Светка она у меня молодец, – он никак не мог перейти к сути. – Так вот Светка думает, раз я такой не последний человек, что бы мне на мебели не гравировать «Гроше», даже можно зарубежными буквами, и без вранья, как все эти Томы Клаймы. Я же настоящий Р. Гроше. Вот как умно. Это Светка придумала, – опять повторил он. – Так ты как? Не против?

Я был за, я был двумя руками за, я был особенно за, если он уже уйдет. Я устал от него, но остаться с Маринкой наедине я боялся еще больше. Я был не рад этим открытиям

рода. А на прощание, вернув ему пятисотку, я сказал, что его пра-пра-дедушка по кривой линии владел кирпичным заводом где-то на Кавказских водах и делал прекрасные кирпичи, назывались Гроше и Штиглиц. Тот самый Штиглиц, что в Петербурге банком руководил, училище технического рисования основал, но он не наш дедушка, он друг нашего пра-пра. Я найду этот кирпич, пусть оттуда надпись и срисует. Только без Штиглица.

– Ух ты, – восхитился Ростислав, – туда Кольку и отправлю. Это сын мой приемный, – объяснил он Маришке. – Слышь брат, а может, ему нашу фамилию дать, ну что он бежит Гавриловым, как беспризорник какой.

Глава 13, где обнаружился еще один брат, но лучше бы его не было

Меня все достало, я желал, чтобы это пропало, как дурной сон. Я не хотел видеть родственников ни во сне, ни наяву. Я устал от их проблем и историй. Но избавиться от них было невозможно. Они влезли в мою жизнь, куда я их сам впустил, они перекосили равновесие моего мира. Я был всем что-то должен, я был обязан слушать бредни про дедушек и бабушек, которые часто не имели ко мне никакого отношения. Но я не мог это остановить, я разворошил муравейник. Пиотр предупреждал меня, но давно не навещал.

Как-то в супермаркете он мелькнул в толпе. Он не заметил меня или сделал вид, что не заметил, он был в обычном пиджаке, но с той же тростью. Это точно был он, я сделал шаг навстречу, но Пиотр посмотрел мимо, пошел дальше, затерялся среди людей. А может, мне показалось, может, я хотел увидеть его.

И еще я хотел знать, к кому из потомков он приходит, но спросить их не мог, чтобы меня не сочли помешанным. Мне уже казалось, что кто-то из них скрывает общение с Пиотром, чтобы его тоже не посчитали психом. Хотя почему? Я скучал по старику. Мне хотелось поговорить с ним. Он вдох-

новенно рассказывал о великих целях и великой любви. Великая любовь сопутствует великим целям, или великие цели производное от великой любви.

Я хотел поговорить именно с ним. На меня все свалилось так неожиданно. Хотя это, конечно, и не переустройство миропорядка на планете, но все же это мироустройство нашего рода, выжившего при экспериментах Пиотра в многочисленных войнах и революциях. Пережив блистательные и темные времена, мы не исчезли, мы были, и Летиция ждала ребенка.

Я старался не называть словами то, что со мной случилось. Этого не могло быть, я никогда не влюблялся. Я считал, что это не всем дано, надо просто жить и уважать того, кто рядом с тобой. Этого достаточно для мирной и счастливой жизни. Так и было – до той встречи на Шереметьевской.

Я никогда не признаюсь ей, это невозможно, это губительно, это разрушит жизнь Маришки и Борьки, мою и ее. Пиотр знал это, я хотел понять, как он справился со страстью. Как он, не отвергая любовь, поклонялся своей прекрасной даме с дурацким именем Текла, как Фекла или свекла.

Я обещал Сашке приехать, но тянул с визитом, мне нечего было сказать ей. Если только про Ростислава, может, их и познакомить, он ей скамейку соорудит.

Хотя я обещал себе забыть эту Историю, все же снова занялся поиском незнакомых братьев и сестер, чтобы не думать о ней. Еще один Гроше по матери ждал меня после работы в хинкальной. Я не стал обедать, чтобы разделить тра-

пезу с новообретенным братом.

Он был жизнерадостен, улыбался своими замечательными настоящими зубами, не хуже, чем мои за безумные деньги и полгода мучений, огромен, лохмат, потрепан и несвеж. У него были какие-то болячки на подбородке, но я не мог отвертеться от его объятий и с содроганием прижался к давно не мытому телу, от которого несло пивом, табаком, креветками и чем-то еще, что я не разобрал в этом коктейле.

– Пойдем, – хлопнул он меня по спине, так что я чуть не полетел зубами вниз, он успел подхватить меня под локоть. – Отличное место, тебе понравится, только сегодня, знаешь, у меня не очень. Надо купить бухла, там можно со своим, у них пока лицензии нет, но кухня, я тебе скажу, изумительная, ты оценишь, настоящий Кавказ, просто Имеретия какая-то. Ты был в Имеретии? Поедем как-нибудь вместе, в Кутаиси, – за болтовней он настойчиво увлекал меня к «Ароматнику». – Мне, знаешь, возьми джин с тоником, а ты что пьешь? За знакомство надо как-то.

Я послушно купил «Бифитер» и «Швепс», забыл спросить, может ему лучше лимонный, ну уже взял классический, вроде, верно.

В грузинском кафе столы, застеленные клеенкой, не мыли со дня основания. Они были покрыты толстым слоем уже давно застывшего жира, капавшего с шашлыков и хинкали многочисленной публики. Мой брат был здесь как дома. Он здоровался и похлопывал по плечу многих, они не сразу его

узнавали, но отвечали, что все окей и тип-топ.

Мы заказали пхали, хинкали, каре ягненка, какие-то еще закуски. Я осторожно достал джин. Прямо над нами висел большой плакат, что распитие принесенных напитков категорически запрещено, но официантка даже не повела бровью, подала нам стаканы и лед. А мой брат Стасик с удивлением смотрел на напитки:

– Это что?

– Ты же сам сказал – джин с тоником.

– Ну ты даешь, брат, я же про жестяные банки.

– В банках не было, – я мучительно соображал, какой такой джин продается в жестяных банках. – Мне кажется, «Бифитер» лучше «Гордонса».

– Это с кабанчиком? Да и этот пойдет. Ну ты даешь. Сразу понятно, кто мы.

Я достал папочку с документами, но огромная рука, пораженная псориазом, закрыла ее:

– Ты все не знаешь, я тебе расскажу. У меня даже где-то есть документы, только они у отца, а я аристократ по матери. Отец жлоб, у него надо их как-то выманить или выкрасть, и ты удивишься. Ты еще будешь меня благодарить. Только надо разработать операцию по изъятию документов. Но ты не бойся, я специалист, я не одну такую операцию провернул, ложись на меня, – он разлил джин по стаканам. – Папашка мой тоже не прост. Он в 30-е казаков на Дону расстреливал. Тот еще, меня не пускает, потому как я один знаю, что у него

в архивах. Но не бойся, мы, брат, справимся.

– Казаков? Это же когда было? Он жив?

– Жив, жив, я, правда, его давно не видел, но жив. Иначе бы жена его уже позвонила. Ему знаешь, девяносто лет, но он еще хитер.

– Как он мог в 30-е казаков расстреливать? – я все еще пытался посчитать возраст отца. У меня выходило, что его отцу 1925 года рождения в начале 30-х было не более семи лет. Стас заметил мою растерянность и тут же все объяснил.

– А он как Гайдар, рано начал, – я решил не спорить, я и сам толком не помнил, в пятнадцать или шестнадцать лет Гайдар командовал полком. И все же у меня не сходились цифры.

– Ему же лет шесть или семь было, – робко заметил я.

– И что? Там, брат, такие дела творились, не до возраста было, – Стас вдохновенно вещал. – Надо бы его поспрашивать. Но он кремень, просто так не расколется.

Немытыми руками Станислав взял кусок ягненка и жадно стал грызть, облизывая пальцы. Бросив кость на общее блюдо, он жирными пальцами потрепал меня по плечу, я затосковал, пиджак придется сдать в чистку.

– Дело в другом. Что ты бубнишь про баронов?! Бери выше. Я открою эту тайну. Разливай. Только пока никому, молчи, иначе все сорвется. Ты слово умеешь держать?

– Да, – радовало, что джин стремительно кончался. Но он вызвался сбежать еще купить по маленькой. Я протянул ты-

саячу рублей, надеясь, что ему хватит где-то забыться и он не вернется, но зря я так думал о нем. Сияющий и довольный он вернулся через десять минут, я даже не успел рассчитаться и покинуть кафе, вернее, трусливо бежать из этого заведения. Заполнив собой весь проход между столиками, мой брат Стас отрезал путь к отступлению. Он принес бутылку водки, банки со странным названием «Ягуар» и сдачу, которую высыпал на стол. Он даже положил сверху чек, чтобы я не сомневался.

– В другой раз я тебя угощаю.

Под водку беседа пошла живее. Громко и доверительно новообретенный Стас Стасыч, которого я по-родственному мог звать просто Стас, сообщил мне, что я мельчу, надо смотреть выше, еще выше. Я даже не знал, что его материна бабка понесла от самого императора.

– Какого?

– Ну, само собой, что не Николая, он тогда еще малышом был. А мальчика, деда нашего, само собой, император при себе держал, но скрывал от всех происхождение. Только сыну, Николаю, соответственно, и доверился, чтобы тот единокровного брата опекал, когда его в Императорское техническое училище определили. Переписка с отцом и с братом сохранилась, хранится у нас дома. Мать моя, соответственно императорских кровей, померла. Как я горевал! Отец ее просто так не отдаст, мы и должны изъять письма в ходе спецоперации, толкнуть на Сотбисе, обогатиться.

– А ты кем работаешь? – спросил я невпопад.

– Сейчас? Или вообще? Сейчас сисадмином в сети «Копейка», но это я так, под прикрытием.

– Зачем?

– Ну чтобы никто не знал, кто я на самом деле.

Я попал в руки придурка, прямое воплощение покинувшего меня Пиотра. Им бы встретиться и вместе посидеть, информацией поделиться, вспомнить подвиги и былые дни.

– Я агент, – шепнул мне Стас.

– Хорошо, что не масон.

– Не веришь, – красиво во весь белозубый рот улыбнулся он, – а я столько лет работаю на страну, ни разу не подвел.

– За все триста пятьдесят лет?

– Это верно, по граммулечке не помешает, – не расслышал он моего сарказма. – Я тебе скажу, как я бежал из Америки. Это было не просто, но я прикинулся алжирцем, пришлось побриться налысо, веришь, нет. Тогда меня ранили в ногу, но я все же добрался до Магадана. А там один доктор заштопал меня, что никто даже догадаться не может, как дело было. Я только тебе рассказываю, даже жене не говорил, еще один парень знает, он меня на себе волок. Хороший был мужик, настоящий, как ты. Мартин Иден. Слышал, слышал, – громко засмеялся он, – по глазам вижу, слышал. Он плохо кончил, на прощание мне портсигар подарил, – и мой новый родственник выложил на стол тяжелый серебряный портсигар в каких-то узорах из ирисов и орхидей.

Я что-то хотел сказать, но не смог. Хотелось бежать и выбросить в Язу эту дурацкую папку, но он опять похлопал меня по плечу:

– Скажешь, Джек его придумал. Это я ему рассказал, потом, когда Мартин уже того, и Джек книжку написал, так и назвал – Мартин Иден, но я не возражал. Джек мне за это трубку свою подарил. Хорошая, вишневая, – рядом с портсигаром легла вишневая трубка, а их владелец хитро улыбался.

Может, он издевается надо мной и моими поисками. Доводит до безумия идею исторических изысканий. Мне же Пиотр являлся, получается, что сисадмин Стасик не такой уж и придурок, а мудрец и хитрец. А дурак я, который купил все эти архивные справки, фотографии, копии наградных листов, аттестаты, подшивку журналов «Разведчикъ». Еще я присматриваюсь к ордену Святой Анны второй степени, еще мне подарили эту печать, за которую я помог Груше отправиться в Грецию. У меня мелькнула мысль: «А может, это шайка профессиональных мошенников, решивших потрошить меня?» И я резко встал. Официантка принесла счет, брат сердечно поблагодарил ее:

– Спасибо тебе, добрая женщина. Вишь, какое дело, брата нашел, мы еще зайдем, – она протянула ему недопитую водку, он сунул ее в карман куртки. На улице вновь прижал меня к себе и обещал видаться, навещать, тем более что у нас ныне общее дело, а если что с софтом или железом, то лучше, чем он, специалиста мне и не найти.

Я оставил его у метро, бросил машину на стоянке и отправился в загородный дом на электричке. В вагоне продавали фонарики, моментальные пятновыводители, лаванду от моли, носки пачками, карандаши и ручки. Пели песни от афганского шансона до рвущего душу «Поселок Рыбачий», за это я даже пятьдесят рублей дал, тетка в брезентовой куртке взяла.

Глава 14. Я оказался в родовом гнезде, если это можно назвать гнездом

Я не знал, что делать дальше, может, все это забыть, остановиться. Я же нормальный, обычный, хороший, зачем мне все эти тайны и чудачки. Мне крыльцо в доме надо перестраивать, жена уже весь мозг вынесла, на работе отчеты с объектов проверить, командировка в Минск на носу. В Минск, повторил я. Минск, там же Лида недалеко, смотаться, так, напоследок, а потом забыть. Увидеть родовое гнездо и все – стать обычным, без завиральных идей. У меня же все хорошо, все прекрасно, вот сейчас машину менять буду, на тест-драйв поеду с женой, она будет цвет выбирать, как личный имиджмейкер, она так себя зовет, слово ей нравится, красивое, модное.

И тут появился Пиотр, сел рядом, электричка была полупустой. После встречи со Стасом я забыл, что хотел его видеть. Но не удивился. Чему удивляться? Может, и сумасшедший сисадмин встречался с Иденом, Лондоном и Фенимором Купером. Может, Агриппина Платоновна не по доброте душевной мне печать передала, надоели ей эти гости из прошлого, в ее возрасте понятно, того гляди, объявят старой маразматичкой. Как существуют временные пласты, кто его

знает, подумал я меланхолично.

– У тебя билет есть? – поинтересовался я.

– К чему?

– А ты к чему явился?

– Спросить хотел. Зачем тебе это? Что ты ищешь? И знаешь ли ты, чем рискуешь?

– Своими деньгами за все эти справки и бумажки.

– Всего-то. Ты не знаешь, не ведаешь, что тебе откроется при этом путешествии в прошлое, что ты узнаешь и сможешь ли ты с этим жить. Это страшнее, чем космос и буран. Ты не будешь прежним, тебя будут терзать страхи. Ты будешь искать в ближних семейные проклятия и наказания. Ты будешь метаться и сомневаться, ты не будешь спать по ночам. Ты будешь всматриваться в лицо сына, ища в нем родовые черты и несчастья.

– Уйди, – мне и так было тошно. И он ушел.

Я не спросил его про любовь. Я вернулся домой. И лег спать, чтобы не слышать стонов и причитаний, как от меня разит чесноком и водкой, даже неизвестно, что лучше или хуже. Я ей уже говорил, ну не нравится, ну ложись ты отдельно, вон у нас сколько комнат гостевых без гостей, спи спокойно. Но нет, как же это супружескую спальню покинуть, обязательно рядом надо быть, чтобы утром меня моим храпом попрекать. Хорошо завтра ей дело нашлось – чемодан мне в Минск собирать, наставляя, что у меня где, как она обо всем на свете подумала, позаботилась. В каком порядке

носки использовать и какие таблетки мне с собой сложили. Вдруг что случится, я выживу, даже в полярной экспедиции выживу, если разберу, что она мне там напихала. А не разберу – отравлюсь.

Закончив дела в Минске, я направился по трассе к Лиде. Навигатор отказался работать в Белоруссии, я просто ехал по зеленому полю, так он рисовал. Я не понимал указателей на ново-белорусском языке, лишь догадывался, что бы это значило. Вдоль дороги торговали прошлогодней картошкой и солеными грибами, но я не останавливался, чем, наверное, очень злил торговцев.

Заштатную Лиду с веселыми заборчиками и замком из четырех стен с двумя свежестроенными башнями и пустым полем внутри, гордым львом на щите при въезде в город, что должно говорить о бывшей славе Польско-Литовского королевства, я проскочил быстро, не останавливаясь. Меня ждали Рыловцы, где было наше фамильное имение. Я заблудился в проселочных дорогах. Хотелось вернуться назад, чтобы не плутать в темноте. Но и обратно путь был не легче, и я ехал вперед, не зная толком, зачем мне туда.

Надеялся, как полный придурок, что там я встречу Иосифа Викентьевича Гроше, того самого, что возглавлял комиссию по строительству Исаакиевского собора. Я ехал в усадьбу его отца и дяди, где было 147 десятин земли, то есть 160 гектаров, и 32 души крестьян обоюбого пола. Не густо. Я не сошел с ума. Ко мне же приходил Пётр, первый владелец этой

деревни, что же этому статскому советнику Иосифу мною гнушаться. Ну что такое статский советник, по нашему – что-то между полковником и генерал-майором.

Перед лесом я остановил машину, дальше по проселочной дороге было не проехать. Я вышел и, ориентируясь по карте, которую скачал заранее, пошел через лес, за которым и находились Рыловцы. Два раза чуть не упал, поскользнувшись в грязи, но скоро нащупал твердую дорогу, которую в сумерках было не видно в только-только появившейся веселой зелени. Я шел быстро, не понимая, зачем это делаю. Вряд ли я найду там гостиницу, и мне придется возвращаться опять через лес к машине. Но я шел.

В лесу было жутковато. Мне показалось, или на самом деле так и было, что здесь звериный край, если не волк выскочит, то кролик, лишь бы не змея, успокаивал я себя. Что я хотел увидеть в темноте? Я старался не признаваться в этой бредовой мысли. Я должен дойти до барского дома, или того, что от него осталось. Я не представлял, что будет дальше. Может, постучаться в любую избу, ну должны же они пустить путника, наследника хозяина, если они помнят Гроше.

Я услышал шорох, остановился, включил свет мобильного. Навстречу мне шел высокий человек в сюртуке. Ну, слава Богу, он пришел ко мне на помощь. Я не сомневался, я готов был броситься ему на грудь, но не знал, не будет ли это слишком панибратски, все же он мой пра-пра-прадедушка. И я остановился. Человек приближался, открыв руки для

объятий, я кинулся к нему.

– Я Гроше, я Викентий, – пробормотал я.

– Что же вы не предупредили о приезде? Я бы встретил, – он говорил так, будто мы знакомы сто лет, нет вру, сто пятьдесят. Я знал, что он явится, что он не оставит меня в этом гибельном лесу, полном страшных звуков и шорохов.

– А вы верной дорогой идете, – удивился мой спаситель. – Надо же, нашли старую дорогу к барскому дому, она хорошо вымощена, только заросла, – я остановился, выключил телефон. Он обнял меня.

– Я Чукин Евгений Иванович, смотритель местного музея, рад вас приветствовать на родной земле, – он церемонно поклонился и протянул мне руку. – Мне приятно встречать представителя рода, чьей историей я занимаюсь последние двадцать лет. Вы остановитесь у нас? – то ли спросил, то ли утвердительно сказал историк в длинном сюртуке. – Жена будет рада гостям, к нам приезжают редко, хотя край интереснейший, – подхватив меня под руку, он увлек меня в деревню, где в трех домах, а больше и не было, горели огни. Мне было все равно, куда идти, лишь бы не оставаться в лесу.

Только одна мысль не давала мне покоя: «А как он-то здесь ночью оказался, почему меня встречал?» И он ответил на мой незаданный вопрос:

– Вы думаете, что я ночью за околицей у местной помойки делал? У жены собачонка сбежала. Она ее два года назад на улице подобрала, но привязалась к ней. А это порода ни-

какая, беспризорная, на помойке взрощенная, так и норовит сбежать на родину. Видно, слаще ей у мусорного контейнера. Что делать, если происхождение таково. А мы ее ловим, чтобы не потравилась. Не нашел я ее, вас встретил. Теперь уж утром прибежит, коли не загуляет, – вздохнул Чукин.

Глава 15, где я позавидовал провинциальному краеведу, уж слишком он счастливый

Милая молодая женщина с пухлыми щеками и ямочкой на круглом подбородке встретила нас. Евгений Иванович торжествовал, будто у него был визит на самом высоком уровне.

– У меня курник готов, – приветствовала она меня, не удивившись ночному гостю, – Вы один? А семья?

– Они дома, не смогли, я на разведку один.

– Это прекрасно, прекрасно, что вы приехали, завтра я покажу вам все, – Евгений Иванович был воодушевлен. – Забыл представить, это Анечка, моя жена, помощница и вдохновитель. Не боюсь признаться, что у нас большая разница в возрасте, двадцать три года, но вы бы знали, какое счастье иметь молодую жену и маленького сына, – мальчик лет трех вышел из комнаты и без страха смотрел на меня. – Это мой наследник, мы тоже создаем род, род тех, кто хранит и спасает историю родов бывших. Прикасаясь к истории, мы растем иными, мы готовы к служению, – точно с Пиотром знаком, мелькнуло у меня.

Курник оказался прекрасным. Высокий пирог с многочисленными начинками, переложенными тончайшими нежными блинчиками. Там была курица, грибы, ягоды, гречне-

вая каша с луком, все это поднималось на тридцать сантиметров над тарелкой. Я захмелел от еды, а тут Евгений Иванович достал бутылку домашней настойки на бруснике, жена подала рюмочки.

Он поведал мне, что история Гроше, чью усадьбу мы непременно осмотрим завтра, его страсть. С моего позволения, он хотел бы взять на прогулку сына и жену, они стараются не расставаться. Я согласился, а он грустно сообщил, что барский дом в плачевном состоянии. Лет пятьдесят назад его разобрали на стройматериалы для сельской школы, где он, кстати, ведет историю и рисование, а жена занимается ботаникой. Она закончила пединститут, приехала на практику, и осталась с ним, согласившись составить его счастье. Он опять схватил ее за маленькую ручку, она опустила глаза и порозовела. Музей, который он возглавлял, давно рухнул, когда был ураган и сильный дождь, но они с женой спасли все экспонаты. Всю ночь носили, потом местные подтянулись помогать, ни одной единицы хранения не пропало, все у него в доме живут, как в хранилище. Это мешает, но что делать, он давно решил служить истории.

Я достал свою синюю папочку. Он обрадовался документам, которые привез я, пожалуй, он первый, кому это было интересно. Тут же отправил жену фотографировать эти бесценные страницы. А мне показал походный погребец Иосифа Андреевича Гроше – полковника коронного войска и большого друга гетмана Браницкого, саблю Радецкого, пода-

ренную освободителем Балкан одному из Гроше, который по случаю был его зятем. Он готов мне передать под роспись на хранение эти единицы, пока музей не восстановят. И еще есть буфет из барского дома, я могу тоже его взять на время. Но я должен понимать, что для вывоза мебели необходимо поговорить с таможей и прочими органами. Он готов взять эти нудные хлопоты на себя, у него связи есть, только надо бы и подмазать, тогда они сговорчивее будут. Он просительно смотрел на меня, протягивая ржавую саблю:

– Мне, понимаете, не с руки ее дома держать. Мальчишка шустрый растет, того и гляди, играть начнет, а это все же боевое оружие и все же историческая реликвия.

Жена подала чай с вареньями, которые сверкали как разноцветные кристаллы. Она принесла папку, собранную ею. Ее увлекали женские истории, особенно история Анны Гроше, сестры Пиотра, в замужестве Нарбут. Анна вышла замуж за соседа по Лидскому уезду, философа, историка, археолога, поэта, переводчика, гуманиста и просветителя. Нарбут немало путешествовал, учился в семинарии приаров в Риме, потом в Германии. Создал типографию в Вильно, которая потом пригодилась польским революционерам, жил во Франции до самой революции, где сошелся с Пиотром, а вернувшись домой, женился на его сестре.

Анна Гроше оказалась способной ученицей поклонника взглядов Руссо, быстро освоила французский и греческий. Анна Чукина смутилась, осознав, что она говорит и про се-

бя в том числе. Муж нежно обнял ее за плечо, и она продолжила рассказ, стараясь дистанцироваться от истории Гроше-Нарбут, которая открыла салон, где были все, буквально все знаменитости. По некоторым данным даже адвокат Мицколай Мицкевич, отец Адама, того самого Мицкевича. Говорят, он немного волочился за Анной, но она была строга и даже на время отказала ему от дома, хотя все это может досужие слухи. По неподтвержденным данным, они с мужем завели здесь школу, где Казимир Нарбут преподавал математику и астрономию, а она учила словесности. И что точно известно, она переводила французские стихи Беранже и Парни на польский, и даже хотела осчастливить соотечественников неприличными романами Прево и Лакло, но ее просвещенный муж решил, что это уже слишком, она ограничилась «Монахиней» Дидро.

– Такой был век, – взял за руку жену Евгений. – Ее мы завтра навестим, непременно.

Я не понял, что он сказал, мы к ней на чай заглянем или в салон вечером заявимся. Может он тоже общается с кем-то из местных призраков. Чукин увидел мое недоумение:

– Я про кладбище, по которому вы шли сегодня, ее могила сохранилась, ее почему-то не тронули.

– Я шел по кладбищу? – мне стало ясно происхождение камней, мешавших ступить по дорожке.

– Это старое кладбище, его в 30-е на фундаменты для домов разобрали. Школа на этих плитах стоит, а вот надгробия

Гроше не тронули, все же хозяева поместья. А Анну Нарбут тут чуть ли не за святую почитают, мол, сходишь к ней на погост, так и замуж выйдешь.

– Помогает?

– Мне помогло, – он опять погладил жену по плечу, – и Аннушке тоже.

Они были счастливы и влюблены, хотя Тимофею шел четвертый год. У меня так не было, беременность жены стала окончанием всего романтизма. Я стал папусиком, который должен обеспечивать семью. Тогда я стал поглядывать по сторонам, и выяснил, что не так уж плох, как был в двадцать лет. Многие девушки отвечали на мои взгляды и отзывались, но я еще не мог переступить черту клятвы. А здесь мне стало неловко от их бесконечного нескрываемого счастья и желания друг друга. Анна увела мальчика в комнаты, оставив нас одних.

– Не осуждайте меня, – продолжил Евгений, – но мне кажется, что жена должна быть моложе, намного моложе. Она должна быть ученицей мужа, его творением, его созданием, которое он будет боготворить и почитать, когда она вырастет. Это придумано не нами, но это верно. Тогда это действительно, муж и жена – одна сатана, – неожиданно закончил он. Я не стал говорить, что женился на однокурснице, своем парне, веселой девчонке, которая сразу после загса перестала быть таковой, а стала капризной и нудной пилой.

– Я влюблялся в девушек, когда учился на истфаке в Мин-

ском универе, но я был провинциален и наивен, к тому же мне предстояло вернуться в глубинку, откуда я вырвался. Они не рассматривали меня как партию в моих единственных изрядно потрепанных брюках, которые я гладил каждый вечер. И я приехал сюда убежденным холостяком. Я уже двадцать лет работал учителем и директором музея, когда на практику в местную школу приехала Анечка, увидев ее, я понял, что это навсегда. И это награда за мое терпение и унижения юности, я бесконечно ее люблю.

Я не ожидал такого признания, опустил глаза, а он перевел разговор на Анну Гроше, что родом из этих мест, и что все это верно и нужно внимать опыту предков. Я только слушал и кивал и чуть не плакал от злости. Потому что так у меня не будет. Я не любил ждать, я любил догонять, поэтому женился не дождавшись своей единственной.

Глава 16, где я приобретаю семейные реликвии или меня все-таки надули

Мне постелили в мансардном этаже, а утром разбудили к завтраку. Аннушка уже собралась в поход, даже для меня нашлась брезентовая куртка и резиновые сапоги. Тим стоял рядом с родителями, он всегда сопровождал их в экспедициях. Мы отправились к машине, пройдя через семейное кладбище с обломками плит. Только две плиты устояли – Викентия и Анны, они были как новые, даже цветы росли рядом.

– Это Аннушка старается, – тихо, чтобы Анна не слышала, объяснил Чукин. – Сохраняет некрополь, ну Тимошка ей помогает с цветами. Он прирожденный археолог, в прошлом году со своим совком нашел фундамент каких-то строений, сложенных без цемента. Если мою заявку в Министерстве одобряют, то я тут начну копать. Мне кажется, что это стоянка палеолита, – он пустился в рассуждения о миграции народов, я затосковал, что сейчас мне еще и каменный топор выдадут.

Выйдя к торчащим из бурьяна кирпичным столбам, мы остановились. Это был барский дом. Над землей возвышалась на полтора метра каменная кладка, именно каменная, без кирпича, со сводчатыми окнами.

– Все, что осталось, – виновато сказал Евгений, – осталь-

ное разобрали, что делать, у нас тут с камнем не очень, а вот склепик сохранился.

– Склепик? – вздрогнул я.

– Это у нас так погреб называют, – засмеялась Аня. – Но мне кажется, хотя Евгений Иванович со мной не согласен, на самом деле это первый этаж барского дома, его землей затянуло. И никакой это не погреб, а прекрасный первый этаж, нам бы его откопать, а там, под ним, и склепик найдется. А вот столбы это второй ярус деревянного бельэтажа, а над ними мезонин был, я видела рисунки в Лидском музее, даже перерисовала.

– Там на рисунках наш дом?

– Я вам подарю свои рисунки, если хотите. Гроше построили великолепный дом. Они были люди большого вкуса, не случайно их предок прибыл из Италии, где все пропитано вдохновением.

Я не стал с ней спорить. Чукин смотрел на жену влюбленными глазами, она одаривала его нежной улыбкой. Тим сполз с рук отца и прижался к матери, она тихо гладила его по голове. Они были уверены, что из Тима вырастет великий археолог, который прославит их край.

Я очень хотел, чтобы их мечта о Тиме и стоянке палеолита исполнилась. Эти славные ребята, которые смотрели на меня собачьими глазами, мне нравились. Хотя я понимал, что они просят у меня денег, но сказать не могут, а только намекают, надеясь на мою понятливость. И я понял, взял на хранение

саблю и погребец, от буфета отказался, довести невозможно. Моя командировка подошла к концу, мне завтра, хотя бы к обеду, надо в Москве быть.

Они обрадовались, когда я выложил на стол залоговую стоимость вещей. Сразу зашумели, где они сейчас копать начнут, стоянка палеолита не давала им покоя. Они обсуждали, с какого угла стоит начинать раскопки.

После домашнего обеда я покинул этих милых людей, подаривших мне копии стихотворных альбомов Анны Гроше-Нарбут. Я не знал ни польского, ни французского, но понял, что Нарбут как-то был связан по своим просветительско-революционным делам с Пиотром. При случае его надо спросить, жаль, что его племянника Иосифа Викентьевича так и не повидал, не явился почему-то. Почему, я не мог понять, то ли потому, что я Пиотру нагрубил, то ли потому, что Станиславу не поверил. Может, он правду про Джека Лондона говорил, а мне это показалось настоящим бредом, хотя все бред, даже ржавая сабля, которая лежит под задним сиденьем.

Я не знал, как воспринимать Чукиных – ловкие ли они мошенники, втюхавшие мне хлам, выдав за семейные реликвии. Или они вдохновенные энтузиасты, толком не понимающие, что они нашли и отрыли, главное – действие, а все оценки выставит история. Я знал одно, они были бесконечно счастливы в этих забытых Богом Рыловцах. На прощание Тим протянул мне волчий зуб, ибо слово «рыловцы» озна-

чает волчий клык.

– Не потеряй, – сказал он мне важно и пожал руку.

Я положил клык в нагрудный карман, пусть хранит меня в пути в этом лесном краю. Семья краевода долго махала мне руками, пока я не исчез из вида. И стоило мне выехать на дорогу, как он появился, как всегда без приглашения и позволения, это было семейной чертой.

Глава 17, где мне явился владелец имения

Я не испугался, увидев на переднем сидении моей машины незнакомого человека, привык, но все же удивился, это был не Пиотр. Чем-то внешне похожий на меня – в партикулярном сюртуке, весьма поношенном, но с белоснежным воротничком рубашки и черным шелковым галстуком, с золотой булавкой на жилете, который трещал по пуговицам, едва застегнувшись на его округлившемся животике.

– Куда едем?

– Мне в Вильно.

– А! Милости просим, Викентий Иосифович, я потомок ваш, – заерничал я. – Что же вы в усадьбу не зашли? Я ждал вас там, по лесу бегал. А вы что-то опоздали. Что так? Заняты были? В суде заседали?

Он молчал, сжав губы. А я уже разошелся:

– Что? Разруха в имении не нравится? Как же вы так допустили, чтобы родовое гнездо порушили и разорили? А?

– Что там ныне? – спросил он сухо, даже не повернувшись ко мне, он смотрел перед собой.

– А ничего. Вообще ничего, один склепик и остался, а так даже дороги твои мхом поросли. И кладбище разобрали на стройматериалы.

– Дороги строил мой отец, – спокойно ответил он. – Я лишь умножил и прибавил, когда получил в свое владение имение. Пиотр отказался сам, не стал перечить воле родителей. Иосиф, приняв сан каноника, также отказался в мою пользу.

У меня голова уже шла кругом. Кто кому кем когда приходился, кто кому чего наследовал, кто куда делся? Выяснить не хотелось, все равно запутаюсь, тем более их зовут одинаково. Я был зол на них и на себя:

– Я в Москву, в Вильнюс никак не попадаю.

– Не служишь?

– Почему?

– Ну кто же служит в Москве, – он был спокоен.

А я вот нервничал, перешел на повышенный тон, я всегда начинаю почти кричать, когда волнуюсь или ситуацию не контролирую. Но я не стал ему объяснять про Москву, я хотел узнать, кто он. Сухо попросил представиться.

– Ты же узнал меня, – пожал он плечами, – Викентий Иосифович Гроше, помещик Лидского уезда, полтора десятин, 32 души обоего пола, межевой судья уезда.

– Брат Пиотра?

– Это мой старший брат, но ибо он бездетен, то имение Рыловцы досталось мне, я уже был обременен потомством. И я поднял это владение, прикупил немного земли, завел разумное земледелие. Через три года я снимал 200 пудов с десятины – рожь, ячмень, фуражное зерно, у нас не пшенич-

ный край. Но прекрасно росла репа и картофель, этим я кормил свиней. Я первым стал делать у нас в уезде колбасы, которые отлично хранились полгода. А какие у меня были свиньи, – он явно увлекся.

– Нет там ничего, – оборвал я его, – ничего. Дом с землей сравнивали, кладбище растащили, поля посеяны, но сомневаюсь я про эти 200 пудов. Хочешь, обратно верну тебя, пока недалеко отъехали, сам глянешь, на свободную страну.

– Литовско-Польскую?

– Бери выше. Литвины свободны от поляков, поляки от России, а вот белорусы и вовсе сами по себе.

– Кто это?

– Ну это я тебе так сразу и не объясню. Белорусы. И вообще, я не геополитик, это тебе с Пиотром лучше потолковать, он в этом дока. Мне в Москву надо. Срочно. К доктору, эскулапу, задолбали вы меня своими явлениями, не хочу вас видеть и думать над вашими идеями не хочу. Где тебя посадить?

– По дороге на Ошмяны, оттуда до Вильно рукой подать, – важно сказал этот мироед, межевой судья, мастер кадастров.

Он покинул меня на развилке, покачав головой, без прощания, а мне еще многое хотелось ему сказать вдогонку, рассказать про потомков. И про его хозяйство. Тридцать два крестьянина у него! А он знает, что такое строительная фирма, где четыреста рабочих, сто человек офиса, одних пэтэошников десять человек, налоговая, стройнадзор,

сдача-приемка электрики и автоматики нефтеперекачивающих станций, каково мне, он знает?! Свинки у него, видишь ли. Да я бы, дай Бог, если свинки кормят, каждую бы утром в морду целовал, все лучше, чем на планерку к заказчику ехать.

Я мог многое ему напомнить. Например, как он хитро вдруг в армию подался, аккуратно после разгрома польских патриотов, с которыми до того мучил Пиотр. В Польской армии места по арестам освободились, вот он быстро и дослужился до полковника. А на пенсион можно было и свинок разводить. Прекрасное занятие в отставке, на свежем воздухе, в окружении семьи. Хитер, злился я на него, забыв свое обещание принять их любимыми и не судить, а этот и вовсе был мне праотец по прямой.

Но он ушел, а я рванул дальше, пока меня не остановили белорусские менты, штрафанули за превышение скорости. Спорить не стал, я же правда шел на сто шестьдесят, разошлись, как люди, за тридцать евро и без квитанции. Путешествие в прошлое было закончено.

Осталось только саблю Сашке подарить, может, она ему понравится, если ее почистить. А ей, я не хотел называть ее по имени, этот погребец. Домой я не мог это привезти, да и не хотел. Пришлось бы объяснять, как я прибавил целый день к командировке, кто эти Чукины. Зачем мне все это, слушать крик и всхлипы, а потом узнать, что эти вещи засушили в кладовку или на чердак или вовсе выбросили на по-

мойку. И мне они были не нужны.

Я дал себе слово, что никогда больше не буду ввязываться в эту историю с большой буквы, слишком опасное это путешествие, прав Пиотр. Я только картинку про имение себе оставил, спрятал в папку для бумаг, сам не знаю, почему. Это был дом моей мечты, где я бы оборудовал в мезонине кабинет, развесил все эти фотографии по стенам, поставил в шкаф свои учебники по механике, на видном месте повесил бы диплом об окончании вуза и свидетельство о моей давно забытой кандидатской. И сидел бы там, спускаясь только к обеду, а потом опять поднимался наверх. Созванивался с родственниками и друзьями, в эти мои и только мои часы пусть все идет к черту, читал почту, газеты, я забыл, когда в последний раз держал в руках газету. Потом бы ехал к соседу поговорить про свинок и посевы, а потом – вечерний чай на липовом цвету. А жена бы музицировала и не верещала, что надо срочно поменять мебель, купить подарки родственникам или обновить веранду. Я бы писал историю семьи.

Я чуть не въехал в медленно тащившейся трактор, очнулся и принял решение не ночевать в Вязьме или Смоленске, а рвать до Москвы, тем более, у меня было важное дело. Но прежде всего, я съехал с трассы, остановился на загаженной обочине и сжег все бумаги из синей папки.

Несмотря на позднее время, я очень удачно припарковался перед домом на Шереметьевской. Мне не хотелось больше злиться, метаться, заглядывать в себя и бездны небесные,

или как там он говорил. Держа в руке саблю и погребец под мышкой, я вошел в подъезд. Вид у меня был диковатый, выходящая со спицем дама шарахнулась, я улыбнулся ей, чем еще больше ее напугал. Мне было весело.

Я занервничал, когда нажал кнопку звонка, не знал, что я скажу, зачем я пришел.

Глава 18. Я вновь у Летиции и мне не хочется уходить

Не нужно было ни многословия, ни вдохновенного вранья, ни объяснений, ни каких-то историй, которые со мной случились или могли случиться, ни повода, ни причины, все оказалось просто до боли, до перехваченного дыхания, до слез, которые стояли в глазах, но пока еще не текли, но в любой момент могли прорваться. Я открывал рот, как рыба, выброшенная на берег, я глупо хлопал глазами, а она засмеялась:

– Есть хотите? – вот и все, что сказала Летиция.

Только сейчас я понял, как я голоден. Я не ел с утра, после раннего обеда у краеведов, я гнал машину, как сумасшедший. Я злился и даже не заметил, что наступил вечер. Я очень хотел есть, но не мог сказать ей ничего, только кивнул головой, а пройдя в квартиру, смутился, что опять буду у нее есть, опять ничего не принес.

– Простите, я с пустыми руками, – хрипло выдавил я. – Здравствуйте, Летиция.

– У вас же все руки заняты. Почему же с пустыми?

Она звонко засмеялась, и тут же за ее спиной появился Сашка в пижаме. А она все еще смеялась, убирая рукой челку со лба, Сашка тоже смеялся, и тут я понял, что держу под

мышкой погребец, а в руке саблю, это было нелепо и смешно. И я тоже засмеялся, ко мне вернулся голос, слезы отступили, я их только сглотнул, они были солоноваты. Я протянул Сашке саблю:

– Гусаров Радецкого, только ее почистить нужно, но мы с тобой это сделаем. А это вам, – она взяла серебряный погребец, не ожидая, что он окажется таким тяжелым, чуть не уронила, поставила на пол.

– Что там? – спросил любопытный Сашка, уже пытаюсь его открыть, но замок был хитрым.

А я и сам не знал, что там внутри, как-то не спросил у Чукина, не полюбопытствовал, не выяснил. Вместе мы справились с хитроумным механизмом, открывавшимся кнопкой и рычажком, и погребец распахнулся, отбросив створки в две стороны. Нам открылось содержимое: маленький самоварчик, серебряные стаканчики, жестянки под чай, вилки, ложки, кастрюлька с крышкой, сахарница, молочник, две тарелочки, какие-то загадочные вещицы, назначения которых я не знал, но наверное, они были необходимы в путешествии.

– Это походный погребец наших предков, – объяснил я.

– Вещь, – оценил Сашка, – только тяжело тащить.

– Вещь, – я попытался сдвинуть погребец, – ехала в карете.

– Тогда ладно.

Летиция молчала, ожидая моих объяснений, но я пока не знал, что говорить, потому брякнул глупость:

– А где руки помыть? И умыться бы с дороги.

Пока я умывался, она сварила макароны, слегка присыпав их сыром и украсив тонким ломтиком ветчины, это было очень вкусно. Я наслаждался каждой макарониной, а Сашка принялся чистить саблю салфеткой, но ржавчина не сходила.

– Лета, я хотел бы, с вашего позволения, – так церемонно я никогда не объяснялся, – временно оставить вещи у вас, а потом с оказией я их непременно заберу, если вас, конечно, это не обременит.

– Заберешь?! – Сашка сжал эфес.

Я пожалел, что сжег все бумаги. Но я знал, как и где их раздобыть снова, есть же архивы, где хранятся эти никому не нужные и необходимые документы на всех и каждого. Где все описано и учтено, каждый выданный из казны рубль и каждое новое звание, и дети, что уже крещены, и те, кто ушел, снявшись с довольствия. Я вспомнил, что еще есть один Гроше, в Хотьково, адрес его толком не знал, но точно помнил, что это улица Щорса. Найду, решил я, и пригласил Летицию с сыном на загородную прогулку в первые же выходные. Но она отказалась, так как у нее в этот день были ученики. Сашка смотрел на меня преданно, но она не отпустила его со мной. Верно, кто я им, странный брат, который всегда является вечером с какой-то чушью.

Глава 19, где я знакомлюсь с сильно пьющим братом художником и его несчастной дочерью

В Хотьково я все же отправился, в субботу, попав в пробку, созданную гражданами рвущимися на дачи. Впрочем, я никуда не спешил и спокойно пропускал их. Я не знал, как объяснить тем, к кому ехал, кто я и зачем явился, тем более, что я дал себе слово прекратить поиски и забыть тех, кто приходит ко мне в кошмарных снах и пьяном бреду. Последний раз и все, говорил я себе, еле продвигаясь по Ярославскому шоссе, поворачивать назад было поздно. Через два с половиной часа я въехал в дачный поселок с домиками постройки 30-х годов со штакетниками, крашеными в зеленый цвет, за которыми стеной стояли старая, уже выродившаяся сирень, корявые яблони и обязательный жасмин.

Нужный мне дом стоял на краю огромной лужи, которую невозможно было обойти ни с какой стороны, и я беспощадно промочил ноги. Хорошо, калитка оказалась открытой. На дорожке к дому валялся эмалированный таз, покрывшийся трещинами, будто он тут уже десятилетиями лежит, набирая дождь весной и листву осенью. На крыльцо вышел мужик с

трубкой в руке и в красном шарфе, он живописно смотрелся.

– Брат, – начал я.

– Мы ничего не покупаем и свидетелей Иеговы не ждем, – равнодушно ответил он и повернулся ко мне спиной.

– Я брат твой, я Викентий Гроше, а ты Виктор Гроше, художник, и мой троюродный брат.

– Художник, – кивнул он головой, обернувшись, – а водка у тебя есть? Магазин там, на Чапаева.

Я побежал в сельпо, купил водки, хлеб, какие-то шпроты и круг краковской колбасы, которая пахла чесноком и копченой шкуркой, как в детстве. Я оторвал хвостик и стал жевать, а потом отщипнул кусочек горбушки влажного непеченного ржаного хлеба, так вкусно мне не было давно.

С таким набором Виктор принял меня более радушно. На веранде, где протекал потолок и криво закрывались трухлявые рамы, он накрыл стол, поставив разнокалиберные рюмки, щербатую тарелку. На деревянной доске лежал укроп и зеленый лучок. В углу сидела девушка или женщина, я не понял, возраст было не определить по одутловатому лицу и приоткрытому рту, могло быть и тридцать, а могло и пятьдесят, не понять. Она даже не моргнула, когда я вошел.

– Дочь, племянница твоя, – он разлил водку по рюмкам. – За знакомство, брат. Значит, Викентий ты. А она Анечка, ты не смотри косо, она у меня молодец, в Абрамцевском музее билетики проверяет, зарплату получает. Меня-то из журнала давно поперли, за пьянку, и закон этот горбачевский уже

забыли, да кому я в семьдесят нужен. А ты что хотел?

Я сбивчиво объяснял про наш род, про тех, кого я нашел, про триста лет истории. Анечка равнодушно ела бутерброд с колбасой, но вдруг она улыбнулась, встала, погладила меня по плечу:

– А если все соберутся, то у нас чашек не хватит, у нас их пять штук, – она открыла старый буфет, показала разнокалиберные чашки. – Только одна колотая, но она не треснула, почти целая. Тоже поставить можно. Чай будем пить.

Виктор поперхнулся, закашлялся, слезы выступили на глазах. Было видно, что кашлял он нарочно, чтобы слезы скрыть. Я старался не смотреть на него, замолчал.

– Я тебя нарисую, – сказал он хриплым голосом, – ты Анечке понравился, она людей чувствует, ее не обмануть.

– А, – я не знал, как спросить, но он понял меня.

– Маменька нас покинула, когда Анечкин диагноз прояснился. Зачем мы ей? У нее карьера, широкие горизонты, новая семья. Только фамилию мою оставила – Гроше, ей кажется, что красиво, и Анечка у меня Гроше, настоящий мой грошик.

Его история была проста, он рассказал ее при Ане. Она слушала и кивала, иногда улыбалась чему-то своему. Девочка родилась с олигофренией... Заплатила за все преступления семьи. Жена предложила сдать ее в дом малютки, он воспротивился, жена ушла. С тех пор они вдвоем с Анечкой, она хорошая, добрая, послушная. Только приходится квар-

тиру на Водном стадионе сдавать, а самим на даче жить. Но они уже привыкли, у них печка хорошая, на зиму мансарду они закладывают фанерой, и внизу получается вполне тепло. Только вот во время дождя крыша течет, но он к осени купит железо и перекроет, и они еще одну зиму перезимуют.

– А почему род проклятый?

– Так вот, дед мой с белогвардейцами уходил в Крым, но был ранен, его оставили в станице, какая-то тетка в Крыму его выходила. Он обещал ей любовь до гроба, она не сдала его красным. А когда те еще раз пришли, он прикинулся раненым красноармейцем, с ними дальше и пошел Врангеля гнать. А там в армии остался, прижился. А бабу ту, само собой, бросил. Другую себе нашел, покраше, бабушку мою, она по профсоюзной линии служила. Та еще стерва была, навещала редко, у нее было много дел, а на Анечку, правнучку свою, даже и взглянуть не приехала. Зачем она ей такая?

Анечка пила чай и жадно смотрела на колбасу, но Виктор убрал еду в старый пузатый холодильник, с грохотом защелкивающийся на замок.

– Она все может съесть, а потом страдать от ожорства, – объяснил он свой поступок. – Ты не думай, я ее нормально кормлю, у нее пенсия и зарплата, у меня пенсия, мы не нуждаемся.

Я не знал, как предложить ему помощь, вероятно, он бы взял, но мог и обидеться. Я обещал заехать еще, с документами, которые мне предстояло восстановить. Он равнодуш-

но кивнул. Анечка принесла из погреба два яблока и дала мне с собой. Спросила, внимательно глядя на отца и стараясь говорить четко, когда я еще приеду. Ответ ее не интересовал, она ушла в мокрый сад.

Я обещал вернуться, но брат Виктор смотрел на меня грустно. Я и сам не верил своим словам, мне казалось все нереальным: и придурочная девочка, и старые яблони, и пьяный художник в сгнившем доме, и все эти истории Гроше, и я сам в мокрых ботинках, за которые придется отвечать перед Маришкой, объясняя, где я был. И тогда я решил рассказать жене все, всю правду, тем более, что она уже видела нашу неожиданную родню.

Глава 20, где я решил найти всех Гроше и принять их без осуждения и сомнения

Я признался Маришке во всем. Я не ожидал от жены такой реакции, я думал, что она назовет меня полным и окончательным придурком, фантазером, еще как-то обидно. А она заплакала от жалости к Анечке и от страха, что наши еще несуществующие внуки могут нести этот ген и платить по счетам предков. Потом она сложила целый чемодан теплых курток и свитеров, из которых мы, как она говорит, «выросли», чтобы не произносить дурное слово «раздались». Мы верили, что похудеем, потому неношеные вещи висели в шкафу в ожидании чуда, которое все не наступало. И сейчас Маришка предложила отвезти это брату и его несчастной дочери.

Хотя почему она несчастна, не понял я, ей хорошо на старой даче с любящим отцом. Она даже не осуждает его беспробудное пьянство, ибо не знает, что это грех, и все остальное для нее лишь обстоятельства жизни, как дождь, зима или лето. Только колотые чашки ее расстраивают, потому как в музее, где она служит, такого не держат, а там точно все правильно организовано. Я не знал, стоит ли мне к ним еще раз ехать, нарушая их мирную жизнь, смущая их покой и заставляя

для вспомнить про грехи отцов, за которые платят потомки.

Утром, еще до работы, я отправился на вторую Бауманскую, чтобы заказать в военно-историческом архиве справки на всех Гроше, каких найдут. Я больше не верил тем ребятам, что втюхали мне родословную. И решил начать свои поиски – со служивых, на них все есть, я даже помнил имена Осипа, Викентия, Евстафия и их детей, правда, потом нас оказалось больше. По именам и анкетам, которые я читал, я не мог понять, как сюда мой папашка покойный вписывается, чей он внук, чей правнук. Одно радовало, что меня называли не Евстафием.

Архивный юноша объяснил мне, что работа с документами требует времени и серьезных исследований, и они мне, конечно, помогут, но не сразу, я должен запастись терпением. Я был готов на все, включая отдельное материальное вознаграждение юноши, что его сразу вдохновило. Он даже предложил мне розыск не только в военно-историческом архиве, но и в Питерских центральном и областном архивах. Через четыре дня он передал мне флэшку с первой партией фотографий документов. Присев на фундамент забора Лефортова дворца, я раскрыл ноутбук и стал жадно читать документы с флэшки.

Прежде всего меня поразило, что дед Станислава по матери Гроше и впрямь был кавалером всех Георгиев, что совершенно не вязалось с пьяным бредом моего дальнего родственника и Джеком Лондоном. Но факт оставался фактом,

как и рассказы Викентия, все они были педантично точны, до даты и до каждой полученной копейки.

У Стасика, Ростика и Летиции рисовались вполне внятные линии, а я был почти приبلудным. Точнее, с пра-прапрадедом Викентием, которого я видел в Лиде, было все понятно, с его сыном Иосифом и внуком Виктором тоже, а судьба моего прадеда Евгения была неизвестна, ни в каких списках он не значился. Он канул, будто помер в младенчестве. Но я же откуда-то явился с такой дурацкой фамилией и не менее странным, хотя и родовым, именем? Я решил раскопать правду о своем происхождении, кто-то же должен это сделать. Заодно и про других узнаю. Всем остальным Гроше на род было по фигу или у них не хватало сил и времени, получалось, остаюсь только я. Больше никому, грошики мои Грошевые.

Наконец, мне стало все равно, сколь славными окажутся мои предки. Мне было плевать, даже окажись они отчаянные негодяи и подлецы, важно было отыскать всех, до единого, никого не пропустив, чтобы понять себя и свое место в этой длинной череде поколений. И не буду я, как пугал меня Пиотр, всматриваться в лицо сына, а позже своих внуков, ища следы проклятий и чего-то еще. Я просто расскажу им все, как есть, и как было, не скрывая и не умалчивая, если мне что-то не нравится.

Я со многим не согласен в истории моей страны, но это моя страна с ее восстаниями, революциями, террором, за-

хватническими войнами, которые называли просто расширением границ и присоединением земель, войнами на других полушариях с поддержкой братских народов. Можно называть как угодно, но суть события не меняется. Каждая новая власть оценивает все по-новому, распоряжаясь, чем гордиться, а что лучше и вовсе забыть. Вон сколько историй России понаписали. При каждом правителе свою ваяли. А Россия остается, несмотря на все их старания. И мы остаемся. Какие есть.

Мне не нравились польские корни рода, не хотелось быть поляком, приятнее было считать себя итальянцем. Но без Польши явно не обошлось: служба Августу, восстание Костюшко, Лидское имение. А еще фамильные черты: хвастливость и спесь, и гордыня, и гонор. Я тоже иногда любил прихвастнуть.

Меня осенило, вдруг, именно осенило, будто тенью накрыло, темной, предгрозовой, от чего и разум погружается во мрак, страх сковывает. Я понял, почему мой дед ничего не помнил, ничего не говорил, будто он один сам по себе в чистом поле. Будто ни братьев, ни родителей у него не было отродясь, он даже не рассказывал, где глаз потерял, а уж тем более, кто его дед и прадед. Я только сейчас узнал, что в сорок четвертом в боях под Нарвой осколок в глаз ему попал, а дед деда, якобы из крестьян крестьянских сапожник, но в одном полку с Толстым Львом Николаевичем прапорщиком в артиллерии служил. А папашка его тихо адвокатом рабо-

тал. Я все бумажки проверил, все сошлось – и бои на Черной речке, и оборона Севастополя. Но это я сейчас узнал, а деда давно в живых нет. Я понял, что они сотворили с историей: они спасали детей своих в первые революционные годы, чтобы никаким краем не всплыло и не мелькнуло происхождение. Себя спасали, сознательно забыв, кто они и где их предки. Все верно, главное – выжить, сберечь щенков своих, плоть от плоти, безродных ныне.

И страна была утеряна, утрачена, забыть ее остается и начать с нуля, с новой отметки. Так и случилось, и все мы потеряшки, не знавшие ограничений сословных, не ведавшие правил и долга родового, кинулись во все тяжкие новую свою биографию творить, Бог знает, что вытворяя. Кто на трех кухарках женился последовательно или одновременно, кто присяге изменил, а кто и квартиру подломил, потому как душа приключений требовала, а тело денег. Все потом исправились и раскаялись, не до конца, само собой, как Раскольников на Сенной площади на колени не падали. Не просили прощения у всех прохожих, переходящих, а так вежливо, по-светски, в храме Божьем, с пожертвованиями и покаянием, исповедью и молитовкой, все чин по чину, отпустило их, бедолаг, и все наладилось. Только детки неприкаянные в недодуманных случайных семьях остались и род понесли дальше. Видно, не простили обиженные ими. А что делать нынче? Как дальше жить?

– Нельзя от рода отречься, – сказал я громко сам себе.

Тетка, случайно проходящая мимо, оглянулась, сумку к себе прижала и шаг ускорила. Может, что-то поняла, может, про себя вспомнила, может, про сына своего беспутного, почему-то я был уверен, что у нее сын-оболтус и муж никудышный. Она обернулась, я ей улыбнулся, а она испуганно прибавила шаг.

– Все пошло не так, все еще долго будет не так, – чтобы не пугать прохожих, я продолжил внутренний монолог. – Они, спасая жизнь детей своих, хотели прибиться к другому словию, рабочим и крестьянам, но почему-то у них не получилось. Или сами воротили нос, чувствуя что-то чужое, а кто они, и сами не знали и понять не могли. А если бы и поняли, то еще больше бы затосковали, не могли уйти, как те, кто ушел в двадцатые годы, чтобы не остаться среди чужих и чуждых. Они частью крови уже были плоть от плоти иными, отвергая лоно, совершая безумные поступки или впадая в перманентный запой, чтобы оказаться среди своих, даже в пьяном бреду, который закончится похмельем.

Дед как-то сказал однажды, что, кабы не революция, нас бы не было. Может, он и прав, но были бы другие, пригодные, а не такие, как получились от их случайных желаний или похоти. А так все пошло и поехало, и все они размыли кровь, которая все же толкала их на дурацкие поступки или тоску вселенскую.

Вот Борька мой смылся на Неметчину, лучше быть чужим среди чужих, чем чужим среди своих, тут не пристроенным.

Да и там пока у него не вышло, вроде по-немецки болтает, как на родном, но что-то у него с девчонками не клеится, пытался с аргентинкой встречаться и с португалкой, но и с ними не заладилось. То ли они принцессы, то ли он принц какой заморский вышел у меня с Маришкой.

Маришка хорошая, хотя и нервная. Есть модное слово перфекционизм, в реальности это просто припадки. Родившись в рабочей слободке, она мечтала о принцах, но принцев вокруг не являлось, а если и являлись, то только на две недели до первого поцелуя, потом лезли под юбку. Не ей, она строгих нравов, а ее подружкам, потом как порядочные люди женились. Потом пили с пацанами в гаражах, честно принося получку домой. И все подружки, которым она шила юбки годе или в складку из шотландки, быстро выскакивали замуж за Колю или Васю из соседнего подъезда. Жаловались на этих скотов, что совершенно не ценят заботы и уюта. Она сшила не одну юбку, у нее дома была машинка Подольского завода, почти «Зингер». И она могла бы быть кутюрье, слово девчонки не знали, но все выходило красиво, почти фирма. Если бы не семейная традиция, говорила она, объясняя, почему учится в скучном техническом институте, она бы пошла на пошив верхней женской одежды и была бы модельером.

– Как Зайцев! – ахали все, понимая ее трудную судьбу. Никто не одевался у Зайцева или Андреевой, но про Дом моды на Кузнецком слышали, особенно когда удавалось рва-

нуть их выкройки, что выходили четыре раза в год. А еще лучше если «Бурда» обломится, тогда все сразу становилось заграничным, хотя и без лейбла, но можно со старой кофточ-ки спороть и по-новой пришпандорить. Она строчила, как у Славы, а они выходили замуж, ее звали на свадьбу подруж-кой, есть же примета, что подружка должна быть незамуж-ней.

За стуком швейной машинки она придумывала новые ис-тории про себя. Как-то в детстве ее возили в Москву, там повели на елку в театр, который был прямо в доме. Огром-ный необыкновенно красивый, как замок, дом, с видом на Кремль, в цокольном этаже был магазин, где ей купили кулек конфет, необыкновенно вкусных. Она увидела, как красиво в подъезде, куда заходили люди, как к себе домой, – мрамор, зеркала, цветы в горшках. В подъезд они не пошли, но она поняла, что это то, чего ей хочется в жизни больше всего. Жить там, где живут эти люди, даже не люди, а небожители. И по вечерам за учебником сопромата ей мечталось об этом доме, подиуме, где первые красавицы выйдут в ее юбках. А потом будет тур в Париж, где ее примут в любом дворце, а галерею «Лафайет» украсят ее модели тех самых чудесных юбок годе.

К ней давно перестали подкатывать однокурсники и ребя-та ее двора, а годы шли. И хотя я не вышел ростом и лицом, к тому же еще в страшных очках в роговой оправе из пласт-массы, она вышла замуж за меня. Все же после института я

распределился на кафедру с перспективой защиты диссертации, что само по себе и немало, а к тому же я носил редкую фамилию Гроше и еще более дикое имя, что сразу говорило о моей необыкновенности и сказочных перспективах.

Я старался осуществить ее мечты. И в путешествие в Париж ее повез через пять лет после свадьбы, поздно, когда уже все про нас понимал. Но я привык держать слово. Ей понравилось все, кроме самого Парижа, где бродили обдолбанные негры и бомжи. Это не вписывалось в картину Парижского путешествия, да и позволить мы себе могли немного: витрины с бриллиантами оставались просто витринами, как картины в Лувре. Москву обещанную я тоже достиг, не Дом на набережной, конечно, а где-то в Черемушках, но тоже вполне неплохо.

Однако реальная действительность ее злила и раздражала, все как-то не так изящно складывалось, как ей мечталось. А как в двушке развернуться? Где фарфор, вчера купленный, выставить? Старые сервизы мы раздавали родне, с ростом благосостояния у нас вещи появлялись на класс лучше, элитнее. И все же я не походил на принца. И тут такое счастье обломилось, я вышел в бароны. Я оказался почти что принцем.

Мы – дворяне, Радецкие нам родня. Она не знала толком, кто это, но остальные, кому она сообщила, с пониманием кивали головой, значит, это приличный родственник, им можно гордиться. Я попытался рассказать про Федора Радецкого, который нам весьма косвенный родственник, про Шип-

ку, про войну балканскую. Но Маришка заскучала, перестала слушать, тем более, что в Болгарию мы не поедem, «там совершенно нечего делать». Больше я не говорил на исторические темы, зачем тревожить ее светлый разум всякой школьной ерундой.

Она считала мое новое увлечение очень хорошим, хотя и странным, но что еще взять с потомка столь видного рода. «Виничек совершенно сошел с ума со своей родословной», оно и понятно, все же «триста пятьдесят лет истории», такое погружение в прошлое, у каждого крыша поедет. Это не на дно в Египте нырять, это посерьезнее, это же совсем другое, что – она уже забыла, только делала многозначительное лицо, кивая головой. Все должны были сразу проникнуться уважением к тремстам пятидесяти годам рода, иначе и быть не может.

Только мои папки убирались в ящик стола, неказисты они были на виду. Она уже все придумала, мы можем заказать кожаные с железными уголками и тиснением, даже фирму нашла, но дорого. Может они с Борькой к Новому Году мне подарят, там и рамки прекрасные, из хороших пород дерева. А это уже я не слушал, ибо она все одно купит и папки, и рамочки, и прочую ерунду, запакует в пакетики и коробочки и в начале декабря выложит под елкой. Чтобы я ждал подарка, гадал, спрашивал, что там. Я и спрашивал, потому что ей нравится эта игра, но точно знал, что там – или портфель, или ремень, или что еще, очень мне нужное, чему я

буду радоваться, удивляясь, как она догадалась, что именно это я и мечтал получить. А она будет звонко смеяться, как тогда, когда я ее провожал домой на первых свиданиях, и она позволяла себя поцеловать, но сразу отталкивала, соблюдая все правила скромной девушки с серьезными намерениями. Ныне она смеется только после многочасового похода по супермаркету, молодеет, оживляется, радуется пустякам. Вот и родня зарубежная ее вдохновляла.

Я списался с польскими Гроше, они любезно пригласили нас в свой заграничный медвежий угол.

Глава 21, в которой я собираюсь в Польшу, где обнаружили Гроше, но меня смущает Пиотр

Я все еще сомневался: ехать или не ехать. Склонялся ехать, но что-то останавливало. И, наверное, так бы и раздумывал. Тем более, реальные родственники на время оставили меня в покое, а те, кого я не знал, как назвать, не призраки же, пришельцы что ли, давно перестали являться. Это меня радовало и огорчало одновременно. Я привык к их долгим, неспешным рассказам, раздумчивым спорам, особой манерной речи, какой-то шепетильности и спеси, мне не хватало их.

Я даже стал нервничать. На утренних прогулках, которые ввел себе в правило, и уже проходил семь километров каждое утро, оглядывался по сторонам. Но видел лишь тех, кто трусцой гонится за здоровьем или шагает за ним с лыжными палками, мне бы такие тоже стоит приобрести. Все оставили меня.

В этот день меня отправили в магазинчик за кефиром и какими-то десертами по списку. Мне не повезло, случилась очередь, два человека у кассы затеяли скандал. Я не был свидетелем начала сцены, я скромно встал со своим кефиром за ними, застав лишь финал пьесы. Высокий не очень трез-

вый мужик с длинными зубами кролика и двумя стопариками водки в руке сверху вниз кричал на какого-то сугубого пролетария:

– Ты кого жидовской мордой назвал?! Меня? Потомственного дворянина с 1709 года?! Наш род Кутенковых во всех гербовниках значится, – нес он пьяную околесицу.

Сам не знаю, отчего я брякнул:

– А мой с 1670.

– Из бояр что ли? – живо отозвался высокий.

– Да нет, – я уже жалел, что влез в их беседу. – Они, вроде, из Польши.

– Шляхтич, следует.

– Там все не так, вернее, не совсем так.

– Господа аристократы, пробивать товар будем? – разлилась кассирша. – В зеркало на себя посмотрели бы, графья.

– Мы не графья, – пытался объяснить я. А про себя подумал: «Боже, какая нелепость, какая чушь, молоть все это на кассе в «Перекрестке». Я дурак, что ли? Зачем тебе это, Викентий?»

– А ты, брат, разберись. У меня вот родословная вся прописана, – высокий стал подобнее, пробив два стопарика водки. – Разберись, это дело так бросать нельзя. Вдруг ты и граф. А что, в Польше графы были. Понятовские всякие. Но мы-то Псковской губернии, потом в Москву перебрались, при императоре Александре Третьем. Не графы, но до пол-

ковников и статских советников некоторые дослужились, – он с наслаждением открыл стопарик.

– В магазине не распивать, – прикрикнула на него кассирша.

– Да ладно тебе, – он вальяжно проследовал к выходу, опираясь на трость с набалдашником в виде головы льва, где-то я такую видел, мелькнуло в моем мозгу. Мне было стыдно и неловко перед всеми, кто наблюдал за нашей беседой. Купив кефир, я постарался разминуться с неожиданным знакомцем.

Мысль о польской шляхте не оставляла меня в покое, она толкала в Польшу, где я ни разу не был, более того, мне не нравилась Польша из-за ее вечных войн и дразг с Россией. Я тут недавно прочел Пушкина, я после встречи с Ними стал читать, разрозненно и хаотично, но все было в строку: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей». Я был согласен с нашим все, с Пушкиным.

Мне казалось, что поляки сто раз неправы, и особенно сейчас, разматывая новый конфликт с нами, пытаюсь вернуться к старым обидам. Забывая, что мы после победы отдали им часть Западной Пруссии, которая им никак не принадлежала, разве что в далекие времена, но тогда все так быстро менялось. Мы позволили им откусить часть Силезии, немецкой земли, и они согласились и были, хоть и оби-

женным, но младшим братом. Я даже понимал их движение «Солидарность», я сочувствовал Валенсе и ребятам из его профсоюзов, я переживал, когда их посадили. Но дальше я перестал понимать Польшу, хотя почему? Они всегда были такими. Они прибегали под защиту сильного, чтобы потом укусить руку защитника. Но теперь мне надо было поехать в Польшу, чтобы увидеть своих родственников и узнать, почему мы родня.

Я почти подошел к дому, когда увидел набалдашник с головой льва в руке попутчика. Неужели этот пьяный аристократ догнал меня? Но передо мной стоял он. Я даже обрадовался его визиту, у меня ныне было много вопросов к Пиотру Гроше. Нам было о чем потолковать, по-родственному. Я даже открыл ему объятия, но он уклонился от них.

– А я рад вас видеть, господин, вернее, вельможный пан шамбелян Польского Двора. Давно не виделись, я даже начал скучать, – я был зол и весел.

– Ты фиглярствуешь, – брезгливо сказал он.

– Нет, я просто хотел полюбопытствовать о далекой истории нашей славной семьи. Вот, например, о вашем участии в кровавом восстании Костюшко...

– Что ты знаешь. Это была блистательная эпоха.

Я не дал ему закончить:

– И губительная, – влез я.

– Для пешек – да.

– У пешек есть имена. И потомки. А ты возомнил себя

Игроком? – я сильно разозлился, мне хотелось ударить его, так чтобы он заткнулся, замолчал, растирал сопли и кровь по морде. Но я толком не умел драться. В детстве один раз полез в дворовую свару, в итоге мнешили губу, но зашили криво, потому при улыбке у меня торчит под верхней губой клык, не везло мне с врачами.

– Я один из, я хранитель. Я ломал империи и создавал новые.

– Эка невидаль, – сказал я вяло, злость прошла. – У нас все то же самое. И каждый мнит себя Игроком. Вот и книжка Бжезинского называется «Великая шахматная доска». Тоже игрок был.

– Поляк? – оживился он. – Ты с ним знаком?

Я только хрюкнул, чтобы не захохотать:

– Американец.

– Значит, поляк. Из наших. Это хорошо, – сказал он раздумчиво.

На меня снова накатило. Мне хотелось ударить его, чтобы сбить его спесь, как в детстве, когда меня донимал брат Венька. Но я не делал этого, я только злился, Венька был на пять лет старше и ловчей, чем я. Он умел прыгать с крыши гаража и легко перелезать через забор, а я всегда был неуклюжим и за что-то цеплялся, рвал брюки, за что доставалось от матери, и разбивал коленку. Меня за это бранили, а Венька смеялся надо мной. Мама грустно смотрела и говорила: «Ты учись, сынок, ты умный, у тебя это получается». И этот

сейчас смеялся. Я не знал, как ему двинуть, поэтому я просто ушел, оставив его одного. Даже если грянет град, в дом его не пущу, пусть стоит, собака, пся крев, на улице.

– Викентий? – окликнул он, изумившись моему поступку. Я остановился.

– Я не Игрок. Я одна из пешек, которые помнят свое имя, и пока мы помним свое имя, мы обойдем всей нашей пехотой устаревшего образца хитрожопого Игрока. Я всего лишь пешка, но и ты не Игрок, ты слон. У французов – шут, бегун – у немцев. – Он сжал трость в руке, а я все же ушел.

– У британцев – епископ, – крикнул он мне.

– Ну да, ну да, а у русских – офицер. Только, кажется, ты не был полковником русской армии. Тебя даже летехой не взяли. Ты великий Игрок. Ага, как же, – это я уже говорил сам себе.

Самое обидное, что он повторял мои же слова времен аспирантского фрондерства. Я слово в слово так же удивлял коллег и, главным образом, девушек смелостью своих суждений. Я тоже говорил, что Бога нет, а есть шахматная партия, где играют за белых или черных. Им наверху интересен сценарий, а не справедливость или правда, и мы лишь пешки в игре темной и светлой сил. Это было красиво и загадочно. Но сейчас я так не думал. Я не хотел быть пешкой, я и ферзем не хотел быть. Даже если я пешка, у меня есть имя, и еще не известно, кто что привнес в этот мир и кто останется в летописях.

Войдя в квартиру и тщательно протерев подошвы вполне чистых ботинок о коврик с нанопокрытием, которое уничтожает все, что можно уничтожить, я окончательно решил ехать в Польшу.

Там начало пути, так гласили архивы. В 1775 году Экстраординарный сейм пожаловал Польским и Литовским дворянством полковника-артиллериста барона Гроше и его детей. Отец этого первого шляхтича в нашем роду тоже был полковником Польского Войска, сыновья: один – камергер Польского короля, другой – католический священнослужитель, третий – снова полковник Польского Войска. Хорошо послужили во славу Речи Посполитой. Можно гордиться. Но не хотелось.

Мне оставалась только маленькая лазейка, кротовая нора, в которую я не знал, как протиснуться, не обрушив все. Мне очень хотелось узнать, откуда чертов первый Гроше прибыл в Польшу. Но сведения о нем были скудны и путаны, будто он выскочил из этой самой кротовой норы. В архивных документах мне попался еще один Гроше – барон и земский судья в Агриенте в 1678 году. Только где этот Агриент и как его сейчас зовут?

Конечно, хорошо, если бы это был итальянский, точнее сицилийский, Агридженто или даже венгерский Эгер, где Маришка согласилась бы побывать с большей охотой. Но нас ждала Польша, и я был непреклонен в решении ехать.

Глава 22. Я еду по нелюбимой Польше к брату

Маришка поджала губы и уставилась в окно поезда, который вез нас из Варшавы в Белосток. Я знал, что сейчас будет. Она начнет всхлипывать, потом задыхаться, потом у нее будет учащенное сердцебиение, похолодеют руки, я буду виноват во всем.

Она умела устроить ад на любом месте: в путешествии все гостиницы оказывались не теми; при посадке растений в саду их надо было срочно красить известкой и сразу поливать, даже если шел дождь; во время обеда, если я ронял крошку на стол; в праздник, когда гости не там разулись и плохо вытерли ноги перед входом; в магазине, если она купила что-то не совсем то, не рассмотрела, потому как я ее торопил, и это что-то приходилось менять на следующий день. И добро было бы тихо, я давно соглашался со всем, даже не вслушиваясь в поток всхлипов и причитаний, но она начинала визжать и рыдать.

Меня всегда примиряло с ней чувство своей вины. Она любит нас, она с ума сходит, если я не отзвонился, она с Борькой каждый день по два часа вечером говорит, выясняя мельчайшие подробности его жизни. Сколько он автобус после работы ждал, шел ли дождь, перестала ли тявкать сосед-

ская собака, она даже про это помнила. Чем он угощал девушку на свидании, почему они так и не сошлись. Она очень, до бесконечности, любит Борьку, мне так казалось. И еще я думал, что она ко мне привыкла, как наша собачонка, тоскует в разлуке, не ест, не пьет, ждет на пороге. Она делает все, выбиваясь из сил, чтобы нам было лучше. Мы не успеваем за воплощениями еще не высказанных и даже неосознанных желаний. Она бежит раньше наших слов, чтобы опередить, преподнести нашу, реализованную по ее разумению мечту. Она оживляется, она возбуждается, она полна сил и энергии, даже если накануне хандрила и не могла встать.

Все наши передраги и проблемы давали ей заряд, глоток воздуха, адреналин, бодрили и пробуждали к действиям. Ей становилось хорошо, когда нам было плохо, она упивалась своей властью, самопожертвованием, христианским подвигом помощи ближнему.

Ей отчаянно было нечего делать. У нее не было подруг, не было дела, кроме, как мыть и тереть, попрекая нас неряшливостью. Но держась за свою вечную швабру, как Ролан за меч, она с негодованием, обидой и приступом истерики отвергала мои предложения о профессиональной уборке в нашем доме. Она не могла нам позволить жить своей жизнью, это бы лишило ее смысла существования, изъяло сущность и само существование.

Но она была жизнеспособной, она пила нашу жизнь, она ее разделяла, она ею жила. Без этого, она бы давно захирела.

Поэтому Борька никак не может найти себе не то что жену, даже веселую подружку на пару недель. Рядом с ним стоит любящая и самая заботливая на свете маменька, не продохнуть. Если кто-то из нас заболел, она сразу наполнялась сил, энергии, здорового румянца, она исполняла все обязанности подорванной медсестры на поле боя, выбиваясь из сил и распрямляясь в полный рост. Мы были обязаны ей всем, она, как комар или пиявка, питалась нашими бедами и проблемами, ее все это вдохновляло и окрыляло.

Я молчал. Я не мог ей сообщить о своем открытии ее сущности. Она бы все равно ничего не поняла, не признала, это разбило бы ее сердце и лишило повода жить, есть, дышать, худеть, толстеть, причитать, волноваться, радоваться новым приобретениям и прочим удовольствиям ее жизни. Я молчал. Она была готова к очередному припадку, вот уже губы поджала. Сейчас прорвется, я снова буду виноват.

После медового месяца хотел было бежать, развестись, испариться, но оказалось, что она беременна. И как тут бежать? Когда я первый раз купал сына, держа его на руках в маленькой синей ванночке, понял, что это навеки. Я не могу бросить этого червячка, который давно уже стал огромной орясиной, но по-прежнему уверен, что у нас замечательная семья, лучше не бывает. Я никогда не спорил, я старался все исправить, но не мог передать этот секрет Борису, пусть он его не знает, пусть минует его это откровение. Пусть он сам построит что-то свое, вдруг выйдет счастливое и солнечное,

радующее каждый день, но как-то у него не получалось, не складывалось.

Я надеялся, что в своем Мюнхене, куда он отправился учиться дальше, все образуется. Он учился, нашел работу, защитил степень магистра, поменял квартиру, собирается купить машину, пошел учить итальянский. Может, все верно. Может, и не нужно счастливой семьи, если человеку и так хорошо. Только откуда тогда взяться роду. Это только супруга квохчет, что пора ему жениться. Откуда она знает, когда пора?

– Хорошо, хорошо, мы их навестим, но только не будем задерживаться в этом кошмаре, – всхлипнула она.

И тут я совершил немислимое, невозможное, зажмурил глаза и вынул из кармана маленький пузырек коньяка, все-го-то на 0,33. Вытащил пробку, понюхал ее и хлебнул, вот так смело и принародно. Дорогая забыла о надвигающемся приступе, захлопала глазами, открыла рот. А я хлебнул еще раз, я знал, что она не будет орать в поезде, она потом вынесет мне мозг, но это будет потом. А пока я предвкушал знакомство с братом и другими родственниками, которые подтянутся из Кракова, Варшавы и Лодзи, и мы будем вести неспешную беседу, потягивать холодную водочку, а она будет тихо злиться и молчать.

У нее была дурацкая привычка выходить из машины на ходу, если я молчал в ответ на ее вопли и причитания. Но из поезда она не выйдет, и с вокзала не сбежит, она же ни

одного слова сказать не может, ни на каком языке, даже на русском чушь порет.

Коньяк с прозрачной пантерой на каплевидной фляжке был неплохим, вполне достойным и даже вкусным, я держал его во рту, наслаждаясь ореховыми нотками. Жена встала и демонстративно пересела на другое место, с вызовом глядя на меня. Я должен был кинуться к ней, извиниться, умолять простить меня, но я не шевельнулся, мне стало хорошо. Там, на вокзале, вряд ли она будет орать, и сейчас еще сорок минут абсолютного покоя под стук колес. Мне было очень хорошо, я не желал ей зла, я просто хотел покоя и одиночества, хотя бы пару часов одиночества.

В этот раз она поступила совершенно неожиданно. Вернулась на место, выхватила мой флакончик, смело отхлебнула, покраснела, покрылась испариной и с вызовом посмотрела на меня. Ну что же это было лучше, чем рывок стоп-крана. А там, на людях, тем более при иностранцах, она будет вести себя тихо-тихо, иногда одергивая меня, да и то под столом, чтобы я не хлебнул лишнего, есть у меня эта проблема.

Это единственное мое спасение от крепких объятий семьи. Я ухожу в запой, сбегая в дешевый номер какой-нибудь гостиницы, отключаю телефон, пью и пою Розенбаума. Потом, конечно, крик, ор, упреки, попреки, я виноват, обещания и клятвы, что этого никогда не повторится. И первые годы я даже верил в эти слова, возможно, она верит и по сию пору. И, правда, я на полгода завязывал, хотя душа требова-

ла хлопнуть рюмку, чтобы погрузиться в сон, дня на три, забыть про работу и супружеский совместный шопинг с этим долбаным мороженым в ресторанном дворике среди возбужденных теток и орущих детей.

Сын, когда подрос, смотрел укоризненно, мол, мать обижается, а мать святое, и я давал ему слово, что завяжу. Так и было. На полгода. Сын не пьет, боится, и это верно. Я ему даже впаял, что у нашего рода ген алкоголизма, и лучше опасаться спиртных напитков. Он и опасается. Всего – девушек, алкоголя, чужих людей, четверок по учебе, быть смешным и нелепым, он заносчив и осторожен. Но трудолюбив и упорен.

Я рассказал ему про родословную, по скайпу, бумажки показывал, торопился. А он ответил, что ему пора идти в гости, где они будут играть в «Мафию». Я в его годы играл в преферанс и пил пиво, на водку денег не было. Я не обиделся, я был обескуражен, неужели ему не интересно, кто мы и откуда и почему такие дураки неприкаянные, живущие чужую жизнь. Я думал, мы вместе с ним найдем ответы на все вопросы, которые задали эти девять поколений. Мы это чудесным образом получили, потому что пришла пора все узнать, и еще что-то можно изменить, и наладить для будущего. Но он бежал играть в «Мафию». А чем «Мафия» лучше коньяка?

Но он вернется, рано или поздно вернется, и я отдам ему все эти списки и таблицы, и он будет счастлив, как я сейчас. Я блаженно улыбался, Маришка смотрела на меня озабочен-

но, но молчала. Я спрятал пустой пузырек в сумку и уставился в окно, до Белостока оставалось четверть часа. В полупьяном мозгу почему-то всплыла улыбка Летиции. Чему она тихо радуется в своей ободранной хрущевке? Она мне не объяснила, но ее улыбка делала счастливым Сашку, которому я обещал почистить саблю. Ему пока еще интересно все, что уже интересно мне.

Глава 23, где я встретил брата, и он оказался мне родным

На вокзале Белостока я сразу узнал Збигнева Гроше. Это был настоящий старший брат, даже больше похожий на меня, чем родной брат Венька. Того же роста, что и я, лысеющий, с животиком, пухлыми ручками и в идеально чистых ботинках. Я смотрел, как в зеркало, таким я буду через десять лет.

Збигнев был в костюме-тройке, который давно не сходил с живота, надевался по торжественным случаям, последний раз, когда сын окончил школу, а потом он висел в шкафу с пучками лаванды в кармане, чтобы отогнать моль. Лакковые ботинки блистали, как его гладко выбритые щеки, а на пуговице жилетки висела золотая цепочка, уходившая в жилетный карман. Это были часы дедушки, как позже сообщил он, заводили их от случая к случаю. А тут случай выпал, да еще какой. Он тоже узнал меня, хотя ни разу не видел, засмеялся, бросился навстречу:

– Брат, брат.

– Збигнев... – я открыл объятия, он обхватил меня.

– Збышек, – поправил он, церемонно поклонился. – А это Агнешка, моя супруга. Сын, увы, не смог приехать, он у нас в Берлине.

– А мой – в Мюнхене.

Збышек засмеялся, и тут мы обнялись, как настоящий братья, которые не виделись триста лет. Милая плюшка Агнешка стояла рядом, радуясь празднику, который сейчас будет. Они оба замечательно говорили по-русски, учили в школе.

Агнешка была отличницей, могла даже поступить в университет, но она вышла замуж за Збышека, с которым сидела за одной партой. Збышек закончил сельхозинститут и женился на ней. Он не пошел работать в колхоз, или как там это называлось в Польше, они поехали под Белосток, в дом Агнешкиной бабушки. Все остальные родственники живут в городах, кто в Кракове, кто в Варшаве. А умный Збышек наладился выращивать клюкву на гидропонике, ее отлично купали немцы. Агата собирала грибы в заповедных местах, которые открыла ей бабушка, сушила и продавала тем же немцам, задорого, но грибы были отличными.

– Хорошо, что у Збышека появился брат, – Агнешка радовалась тихой улыбкой за мужа.

Она всегда считала его особенным, принцем, а над ней смеялись, какой из него принц. Но зря они злословили и потешались, так и вышло, брат из Москвы, которого она уже любила, утверждает, что Збышек если не принц, то барон по рождению. И получается, что все она правильно сделала тридцать пять лет назад.

Збышек всем соседям уже прочел письмо московского

брата. Распечатал на принтере родовое древо и даже заказал шикарную раму, но все не верили, что Збигнев Гроше особенный. Потому что завидуют, вынесла приговор Агнешка. И вот случилось чудо – брат приехал, и все могут его увидеть. И даже посмотреть на их праздник в усадьбе, так она называла дом, который за последние сорок лет оброс пристройками и верандочками и превратился в невысокий замок. Замок Барона Збигнева Гроше. Агнешка пылала щеками, поправляла бусы, которые впервые надела, хотя сын привез их из Индии еще год назад.

На стареньком «форде» мы добрались до дома Збышека, который сиял огнями, чтобы все видели, какой праздничный прием будет у них.

Агнешка постаралась как следует: зельц, который так нравится мне, но Маришка редко его покупает, говорит, что это плебейская еда, квашеная капуста, тертый хрен, запеченная рулька, домашняя колбаса, соленый окорок, квашеные грибы, картофельные оладьи – капытка, старка, сливовица для дам, все домашнее, все, что я так люблю. А Збышек вынес вареных раков, гордо назвав их польскими омарами. И еще моченая клюква. А потом бигус, а потом еще маковник – рулет с изюмом и маком.

Они радовались тому, как я облизывал пальцы, как я съел порцию капусты, как я высасывал клешни и лапки раков. Это было все то, что я обожал, и всего этого было в изобилии. Агнешка принесла еще капустки, как она ее называла. И «ка-

пустка» не бесила меня, как «мороженка». А что же это еще, как не капуста: хрустящая, тонкая и прозрачная, как китайская лапша, с красными шариками клюквы и острым вкусом тмина.

Збышек налил по рюмке старки и обнял меня, он вновь признал во мне брата, я любил ту же еду, что и он. Чтобы как-то скрыть чувства, доводящие до слез, он достал трубку, но Агнешка строго посмотрела на мужа, и он пошел курить во двор, позвав меня с собой, женщины остались делиться рецептами.

Глава 24, где я все-таки поссорился с поляками

В сарае обнаружилась бутылочка ореховой настойки, которую Збышек готовил к нашему приезду. Это было не хуже «Бисквита» или «Мейкова». Ароматный дым от трубки медленно поднимался к потолку, а я рассказывал Збышеку про предков, все, что успел узнать. Он рассказал мне про отца, который после войны бежал из Белоруссии в Польшу, чтобы остаться поляком. Я усмехнулся, а поляки ли мы, или кто еще. Мы просто Гроссе или Гроше. Збышек расчувствовался, он был совсем один, если не считать Агнешки, но Агнешка давно уже его часть, его сын останется в Берлине, значит, его внуки, коли Бог их даст, будут немцами.

– Но они будут Гроше.

– Это хорошо. Хорошо, что приехал. Ты мой брат. И хорошо, что у нас еще есть братья. И мы не одни.

– Все Гроше – родня, – это было моим заклинанием, молитвой, мечтой и спасением, избавлением от скуки и тоски, когда день похож на день, и нет надежды на выход из этой тягомотины, которую я принял на себя добровольно, ради семьи.

Я вспомнил свой медовый месяц. Но не стал рассказывать Збышеку, как на подаренные на свадьбу деньги мы с

женой поехали впервые в СВ на море, куда-то под Одессу, к каким-то ее родственникам. Там нас приняли, поселили в проходной комнате мазанки, а по утрам хозяин звал меня на работу и запрягал в плуг, чтобы вскопать засохшую землю. И я тянул этот плуг, на который нажимал хозяин, как тягловая лошадь, проклиная это свадебное путешествие, чуть не плача от обиды. Но я должен был за родню и за постой. Збышек молчал, он, наверное, тоже что-то вспоминал похожее, мы же братья.

– Твой сын вернется? – пыхнул трубкой Збышек.

– Не знаю. Наверное. А может, и нет. Ему нравится в Мюнхене.

– Это пока, – Збышек снова замолчал. – Я так думаю.

– У нас такая кровь, всех тянет к перемене мест. Вот Пиотр Гроше до Америки добрался, вернулся в Польшу, а потом подался в Вильно, а его племянник уже в Петербурге, чтобы внуки отправились на Кавказ. А вот эти, – я нашел в телефоне фотографию родственников, – в Америку из Питера перебрались. А эти, – я листал снимки, – в Ганновере.

– Твой сын их видел?

– Ему пока неинтересно, ему кажется, что это моя старческая дурь. Он учится и работает, он ухаживает за девушками и даже не знает, кто ему из них нравится.

– Я всегда жалел, что у нас только один ребенок, но восьмидесятые и девяностые были очень трудными в нашей стране.

– А в нашей страшными.

– Ты меня понимаешь, Викентий. И я все думал, как он будет один, а он не один, у него везде братья и сестры. Ты всех нашел, ты глава рода, – я не знал, что ему отвечать. Збышек это понял или почувствовал. – Пойдем к женщинам, время есть маковник с ликером, Агнешка сама настаивает на лимоне с корицей. Это вкусно.

И, правда, было вкусно, хотя и кисло. Агнешка тоже пригубила, у нее пылали щеки, она смотрела на мужа – все ли они правильно сделали, не опозорились ли где перед столичными родственниками. Даже Маришка не одергивала меня своим вечным причитанием: «Тебе хватит». Мы были дома, мы были в семье. И хотя было тепло, Збышек затопил камин, чтобы просто был огонь, чтобы трещали вишневые деревья и сучья старых яблонь, чтобы пахло дымком и летом.

Агнешка накрыла стол, как на свадьбу, можно и тридцать человек накормить. А нас за столом всего лишь четверо. Что-то здесь не так, тем более, что Збышек прикрепивший часы к жилетке, все время проверял ход и опускал их в карман, поправляя толстую цепочку. Что-то должно было произойти, что известно хозяевам и будет совершенным сюрпризом для нас. Агнешка заерзала, тревожно глядя на мужа. Хмельной Збышек обнял меня за плечо:

– Викентий, ты не будешь против визита наших соседей? Они хотели посмотреть на тебя. Им известно, что у нас праздник. Зайдут только на минуту, они знают честь.

Я согласился, как же может быть иначе. Збышек включил настольную лампу на окне. Словно знак подал. Соседи вошли сразу, будто уже стояли под дверью, подслушивали. Они принесли свои дары: моченые яблоки и настойку на сосновых шишках. Она помогает при больных суставах, особенно если не только втирать в локоть или колено, но еще и внутрь принять пятьдесят граммов. Тут же за ними явилась вторая пара в старомодных костюмах, пахнущих нафталином, что не забивали даже французские духи польского производства.

Они были церемонны и пользовались для знакомства услугами Збышека как переводчика. Агнешка почему-то была взволнована и смахивала слезу. Ее что-то тревожило, она подходила к окну, смотрела, всхлипывала и возвращалась, чтобы освежить закуски. Я понял, что гостей должно было быть больше, много больше, их отказ явиться расстроил хозяйку и обеспокоил Збышека, хотя он держался. Соседи весело угощались, поглядывали с вызовом, но молчали, пили за знакомство и хозяев.

Вскоре настойки развязали им языки, они отлично заговорили по-русски. А после появления на столе горячего и вовсе захмелели, хотя пили и ели умеренно. Они рады, что у Збышека нашлась родня, конечно, само собой, жаль, что в России, но что делать, все бывает. Они понимают, мои предки не могли перебраться на родину, в Польшу, им пришлось жить в СССР, прикидываться русскими. Но почему потом,

при наступившей относительной свободе, я не переехал на родину, чтобы все же ощутить себя поляком, жить среди своих.

Я мог сказать, что мои предки перебрались из Польши в Российскую империю двести лет назад, чтобы служить настоящему большому делу, что я, если бы захотел, давно мог переехать в эти польские болота, да только зачем мне это. Если бы я хотел, отправился в Грецию или Испанию, все климат лучше, но я не собираюсь покидать свою страну, ибо осознаю себя русским, хотя и с дурацкой фамилией. Но увидев нервную Агнешку и сурового Збышека, промолчал. Зло ткнул вилкой в соленый грибочек, он выскользнул, полетел на пол. Маришка смущенно кинулась поднимать, протирать пол салфеткой. Агнешка сказала, что все верно, этот гриб надо отдать домовому, это к счастью.

Збышек всем разлил настойку, чтобы как-то смять тему, но подвыпившие панове были уже не остановимы. Они не любили Россию, хотя и рады за своих соседей, родня всегда хорошо. А вот остальные соседи, хотя и были приглашены, не явились, ну не хотят они с русскими за столом сидеть, один хлеб есть.

Меня тоже понесло. Мне было, что ответить. Я чувствовал себя в эту минуту русским, хотя один Бог ведает, кто мы, Гроше, по крови. Я русский, потому как кроме русского только английский знаю в пределах школьного курса, да и то все пастперфекты забыл, не говоря о падежах, хрен с

ними, объяснить в баре могу и в магазине поймут, никуда не денутся. А вот то, что мои предки строили на Кавказских Минеральных Водах, Исаакий завершили, в балканской войне Шипку обороняли, Кавказ воевали – никуда этого не денешь. Этому они служили, этому присягали, этим гордились, значит, стали русскими, потому как в России. Гости что-то хотели возразить, но я им не дал опомниться:

– Я знаю, откуда в вас все это кипит и булькает, -я выпил залпом настойку. – Раздел Польши простить не можете. А какой конкретно – первый, третий или пятый? Под кайзером лучше было, когда немецкий вашим языком стал? Или под вермахтом? Когда у вас, чтобы у себя не поганить, концлагеря понастроили?

Маришка испуганно толкала меня ногой под столом. Агнешка метнулась убирать посуду. Збышек умоляюще смотрел то на меня, то на соседей. Но я завелся, сосед пан Яновский налился кровью, как малина спелая стал.

– Я знаю, что мы оккупанты. Кто же еще? Только потому что дворянство ваше отменили? У вас в одном уезде вельможных панов было больше, чем во всей России. Днем со своим волом шляхтич поле пахал, а вечером, саблю нацепив, в шинке орал, какой он со всех сторон аристократ. Вот вас и посчитали, умножили на ноль, оказалось – пшик, что есть на самом деле.

– Вы уничтожили наше государство. Мстили за то, что мы до Москвы дошли.

– Во-во, – продолжил я, – только мы язык ваш не запретили, книжки ваши печатались, школы не закрывались, да и костелы, как стояли, так и стоят. А вы что творили на Украине, когда церкви православные жгли и язык свой навязывали?

– Мы были самой великой страной, – Яновский сжал вилку, только что не согнул.

– Пока под Пруссию с Австрией не попали, там на вас как на людей и не смотрели, кому ваша эта спесь там нужна. А мы враги. А после нас немцы.

– Это так, – кивнул Збышек, который сам был не рад гостям.

– Крепостных вам запретили пороть? А вы европейцы недоделанные, обиделись.

– Вы нас цинично разделили с немцами, – пан сосед встал, жена робко поднялась вслед за ним.

– Да мы вас освободили, мы вам Силезию отдали, немцев выгнали. И вы радостно вселились в их дома с еще теплыми кроватями и чистыми чашками. Не так?

– Так, – кивнул Збышек, – моя семья туда из Белоруссии отправилась, им сразу дом в комендатуре выписали. Они пришли со своими узлами, а там все есть, даже будильник. Родителям было стыдно, но они не могли отказаться от переселения. Плохо было, невозможно, невыносимо. Но Сибирь еще хуже.

Соседи не ожидали от него такой выходки, он никогда это-

го не говорил, даже Агнешке.

Что же он несет, с Силезией просто справедливость восторжествовала, земли, узурпированные Пруссией, вернулись. Все правильно и верно, через три поколения поляки приехали в родовые гнезда, которые были домами немецких бюргеров, сбежавших при наступлении Красной Армии.

Но Збышек стоял на своем. В том году они стали оккупантами, хотя его еще на свете не было, но будильник чужой его семья себе присвоила, и со своим будильником не расстались. Потом он бы вернул его владельцу, какому-то немцу, зачем ему мозеровский затертый будильник 1937 года выпуска, только как потомков этих немцев найти. Вот он его и хранит, протирает латунь, даже заводит два раза в месяц, чтобы механизм работал. Он тикает и напоминает ему о том, что произошло, как капли с крыши в марте, что говорят о пришедшей весне.

Яновские покинули дом, не прощаясь даже с хозяевами, чета Клосеков сидела молча, хотя и насупившись. Казимир слова подбирал, чтобы ответить. Агнешка замерла в дверях, она не плакала, она застыла, праздник был испорчен. И мне стало стыдно перед братом, а ничего уже нельзя исправить, если только на пьянку мою списать. Да не так уж и пьян я был, просто завелся, сколько можно нас оккупантами называть. Я и сам не знал, кто я, а тут обиду за страну прочувствовал, вот и закусил удила. Да и как мне было себя вести, молча их спесивое хамство глотать, колбасой закусывая? А

все – дурно вышло, не по-родственному. Как Актер у Горького, дурак я, всю песню испортил. Или пьесу? Или все вообще, как теперь быть со Збышеком?

Этих их других соседей, белесых, пухловатых бледных славян, считавших себя если не белой костью, то точно европейцами, я тоже невзлюбил. Они отвечали мне взаимностью как имперскому захватчику. Через час церемонного общения я стал испытывать чудовищную усталость. В чем дело? Как им сказать, чтобы они поняли, прониклись и забыли все свои обиды, которые, вообще-то, и не их вовсе, а те, которые положено испытывать к России и всем русским, даже если они и не русские по происхождению, но кого это волнует, все твои родословные древа и архивные бумаги ничего не изменят.

И верно. Я вспомнил Пиотра, боровшегося за родную Польшу под полонез Огинского, если он тогда был. А впрочем – какая разница, была какая-то другая задушевная песня, все же был, вспомнил я, как раз тогда и был. Пиотр не любил русских угнетателей, искренне и последовательно. Но его племянник уже крестил детей в православии, не отказавшись, впрочем, от своей веры. Он не хотел возвращаться в Лиду, в родной приход со строгим ксендзом и раздутыми от важности соседями. А дед мой немцев ненавидел. За то, что они ему глаз выбили и двух братьев убили, а вот мой Борька в Германии живет и возвращаться не собирается. Ольга Сергеевна евреями брезгует, а как же иначе, вон они сколько в

конце сороковых натворили. А Володя Гроше, Леликов муж, невиданный мною, с хачиками метелился железным прутом, за этническую чистоту и социальную справедливость, сейчас в Чувашии свой срок мотает. Он же азербайджанцев ненавидит, хотя на местном рынке в Томске только их и видел. И Владимир Иосифович, архитектор, тоже армян не любил, что все земли на Минеральный Водах скупили, чтобы ими спекулировать, но женился на немке, а детей в православие отправил, куда же еще.

Все мы кого-то не любим, сегодня, здесь, по причине соседства близкого. Только вот Ростислав не любит буржуев, он вообще не понимает, кто такие поляки, кто евреи, он пролетарий, у него все враги и все под подозрением. Но что об этом скажешь, если только рассказать всю историю с 1678 года. Это долго, да и столько дат мне сходу не вспомнить. Можно только настойки выпить. И сказать, что я русский брат Збышека. Я ушел спать, не прощаясь с хозяевами и тем более их гостями.

Глава 25, где мы с братом ловим рыбу, и я все понимаю про себя

Збышек разбудил меня на рассвете, он собрался на рыбалку и решил позвать меня с собой.

– Знаешь, Викентий, если ты ловил с кем-то рыбу, то можешь сказать о нем все. Идем, пока не рассвело. Сейчас будет хороший клев.

Он протянул мне две удочки, баночку с крючками и грузиками, выдал сапоги, да и не сапоги вовсе, а бродни, и даже шляпу с широкими полями. Он ничего не сказал о вчерашнем споре, он не хотел говорить вовсе.

Я ненавидел рыбалку. Мой дед по бросившему меня отцу был рыболовом, уходил удить на заре, приносил десяток карасей к завтраку. Он пытался и меня приучить к этому утомительному занятию. Но мне не нравилось вставать утром, в сумерках идти на озеро и тихо сидеть, стараясь не заснуть, испытывая мучительное чувство голода. Принесенный хлеб шел на прикорм рыбам, а наживкой были черви, к которым и притронуться противно. Я клевал носом, мерз, ожидая, когда эта попытка закончится. Брат Венька таскал плотву, умело снимая рыбок с крючка, дед смотрел на него одобрительно, а мне после какой-то очередной рыбацкой попытки сказал, что я толстый мерзавец и из меня ничего толкового не выйдет.

Лучше бы меня к нему и вовсе не отправляли на каникулы. Я не заплакал сразу, я плакал потом, но к деду с той поры ехать не хотел, да он и не настаивал, я был не самым любимым внуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.